

Великая степь

Автор:

Виктор Точинов

Великая степь

Виктор Павлович Точинов

Эксперимент по испытанию нового оружия прошел неудачно – и заштатный военный городок со всеми обитателями перенесся совершенно непонятно куда.

На первый взгляд это удивительно похоже на Великую степь древней Руси. Да и подступившие к стенам городка степняки-кочевники тоже говорят в пользу «скачка в прошлое».

Но если взглянуть попристальней – уж очень странным выглядит прошлое, где водятся оборотни, Озерные Змеи и вовсе невероятные твари. Быть может, военный городок попал вовсе не в прошлое, а в параллельную реальность? Теперь, увы, это уже не важно. Важно – суметь выжить!

Виктор ТОЧИНОВ

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ

Посвящается всем, с кем столкнула меня жизнь на Девятке в 1989-93 годах.

Веселое было время...

Пролог: Хрусталеv

Сегодня у Хрусталева был праздник – но получился он со слезами на глазах.

Исполнилось два года, день в день, как началась служба Вовки Хрусталева. А значит, по всем законам божьим и людским, перешел он из статуса “дембель” (тоже завистливо уважаемого всеми, даже “дедушками российской армии”) – в статус “полного дембеля”. А это, господа-товарищи, нечто уже заоблачно-недосягаемое и зависти не подверженное – смешно и глупо завидовать идеалу. Совершенству.

Херня есть, господа хорошие, царский “полный генерал” или “полный георгиевский кавалер” – сущая херня-с. Полный дембель – вот венец и квинтэссенция мироздания. Ведь ПД может все. Именно все. Уставы для него уже не писаны. Какие, к Чубайсу, дембельские работы?! Полный дембель выше этого – в разы. На порядки. Он может послать на известные три буквы не только лейтеху недоделанного, не знающего, что в уставах между строк изложено – и сам генерал туда же отправится, ежели позабудет, что солдат, кроме хреновой тучи обязанностей, еще и два-три права святых имеет.

Полный дембель должен выглядеть соответственно чину и званию – и Хрусталев был готов выглядеть. Парадка ПД – это не просто парадка, о-о-о-о... А уж у Вовки Хрусталева... Белоснежные аксельбанты, концы коих украшали автоматные патроны, отполированные старательными черпаками чуть не до прозрачности, сапожки – хром! – укороченные, расчетливо-примятые в гармошку пассатижами... Бляха ремня не просто сточена напильником “чтоб звезда торчала” и надраена асидолом до испускания лазерных лучей – теми же черпаками... Нет! Бляха заново сделана первогодком из урюков, знающим толк в чеканке, и герб на ней изображает... А, бля, какая на хрен разница, что он изображает – все псу под хвост.

Праздник накрылся.

Потому что встречал Хрусталев знаменательный день в наряде. На КПП. И даже не в Девятке, где кое-какие радости жизни до сих пор остались, а в самой занюханной дыре. На точке. На Третьем Посту. У черта в заднице...

Но его никто неволить не стал, все чин-чином, какие разговоры. Хочешь – демобилизуйся, пожалуйста. Сделай последний снимок для дембельского

альбомчика на фоне башни у озера – и вали из Девятки. Дуй в любую точку России-матушки. Если, конечно, маршрут следования знаешь – а проездные документы выпишем. Только до вокзала или аэропорта, извини, подвезти не можем. Ты как-нибудь уж на своих двоих, или автостопом – тут попутные верблюды попадаются.

Но после Прогона путешествовать автостопом по степям Хрусталеву не хотелось. И другим дембелям не хотелось. Все, кроме троих местных урюков (раньше – местных), остались на сверхсрочную... А урюки ушли в степь и не вернулись. Ни в каком виде не вернулись. Даже голов ихних к периметру не подкинули...

Ну а законтрачился – бери АКС и не петюкай. Приказ на точку – езжай на точку. Раньше, до Прогона, контрактников уважали. А теперь... В Девятке еще туда-сюда, но на Посту... Спишь – как на срочной, жрешь – что на срочной, сношают так же... Стереги бочки с ГСМ да заправляй нефтевозы с полуострова... Черпаков нет. На сорок шесть рыл – ни одной бабы занюханной. Из всей половой жизни нормальным мужикам остается кулак да два истрепанных до дырок журнала, разъятых на листики... а каждая там красотка – хорошая твоя знакомая со своим ласковым прозвищем.

Правда, есть еще Рюхач, дерущий и в хвост, и в гриву... Но это уже для любителей.

Вовка злобно посмотрел на прапорщика Рюханова – тот дрых на топчане сном обожравшегося младенца. Вот – стали гонять в караулы прапоров. Офицеров даже... Ну и что с того? Дрыхнет, сука... Губами причмокивает. Бабу свою, видать, вспоминает. Ребята говорили, что его прапорщица на передок слабовата. То-то Рюхач волком на всех и дни в календаре вычеркивает. Если так – сразу, как сменимся, надо на нее залезть всенепременно. Вполне в тему – Рюхач меня тут раком ставил, а я там – Рюханиху. Спи, спи, рогатенький... Небось неделю назад, когда Гамаюна ждали, не дрых... Носился как наскипидаренный, и нас гонял – разве что траву не красили. Потому что краска зеленая кончилась.

...Фары Хрусталева заметил издали. Шум мотора услышал чуть позже. Не встревожился – свои. Кому еще? Чужие на верблюдах да на арбах все как-то...

Фары исчезли – как раз там, где должны были исчезнуть. Машина нырнула в ложбину в трех километрах от Поста. Шла с полуострова – и одна. Ночью – и одна. Странно.

Хрусталев закрутил ручку телефона. В похожие аппараты Ильичи и Свердловы в старых фильмах просили барышню дать им Смольный... Вовка знал, что на проводе никакой барышни нет, и она ему не даст – ни Смольный, ни вообще... Заорал не слишком вежливо: “Дюшес? Дюшес, твою мать?! Мармелад давай!” Дюшес что-то проквакал неразборчивое, но с Мармеладом соединил. “Мармелад?! Я Бутон! Бу-тон!!! По трассе черт несет кого-то!! Подсвети!!! Свету дай, козел!!! Понял??!!”

Хрусталев надрывался в тайной надежде разбудить прапорщика Рюханова – куда там... Мармелад наконец понял – Вовка услышал дикие вопли сзади, на невеликой территории Поста. Наверх, к прожекторной площадке, телефон не протянули – второпях забыли, потом все руки не доходили. Теперь драли глотку, как в той комедии: алло, гараж? заводи кобылу!

Прожекторист, похоже, кемарил у себя на вышке – пятно света поползло с бензиновых емкостей к приближающейся машине с запозданием. Поползло рывками, медленно и неуверенно.

Ну наконец, не прошло и полгода... «Урал». Тентованный. Свои, все правильно... И все-таки – почему одни? Без колонны. И без конвоя? Даже если с Четвертого, все равно... Чует сердце – ЧП там, и не слабое...

А потом с Хрусталевым стало твориться непонятное.

«Урал» медленным зигзагом объезжал обломки свай, в шахматном порядке украшающие бетонку. Остановился, где положено. Из кабины выскочил человек в камуфляже, торопливо пошагал к КПП. “Прапорщик Волковец, – козырнул небрежно, – отворяй быстрее, в семи кэмэ – опять напоролись, сотни две, если они вдруг следом дернулись...” – “Пропуск?” – “Какой, на хер, пропуск, от конвоя одна машина осталась...”

Хрусталев вел этот странный разговор с прапорщиком через крохотное окошечко двери – сам не понимая, как возле него оказался... Где-то глубоко, на самом дне сознания, бились мысли, что все он делает неправильно, что

нарушает все инструкции, что надо немедленно будить Рюхача, что одиночная машина без пропуска – уже ЧП, и что с этим Волковцом что-то не так, как-то странно он говорит, равнодушно, хоть слова произносит страшные, что надо...

Мысли трепыхались. Руки отодвинули засов. Дверь скрипнула. Хрусталева шагнул в ночь. Автомат остался на столе, у древнего телефона.

“Кто в машине?” – “Живых нет, все двухсотые, открывай...” Волковец говорил на одном дыхании, монотонно, почти не разбивая речь паузами. Вовка механически взялся за ворота, напроочь забыв, что уже две недели ворота открываются изнутри, кнопкой...

“Волк?!“ – в голосе проснувшегося-таки Рюханова слышалось безмерное удивление. Даже потрясение. Хрусталева стал поворачиваться, обрадованный, что наваждение закончилось, что сейчас все встанет в его голове на место, – и застыл. Лицо прапорщика Волковца в боковом зрении казалось совсем не таким, чем при прямом взгляде, да это было и не...

“Волк, тебя же на Ак-Июсе...” – рука Рюханова метнулась к кобуре. И тут же метнулся вперед Волковец. Хрусталева показалось, что десантный нож лишь угрожающе дернулся к нему. Вовка не сразу понял, что черная струя, хлынувшая ему на грудь – кровь. Его кровь. Кровь из горла. Он закричал – так ему казалось. Зажал рану, очень плотно зажал яремную вену пальцами – так ему тоже только казалось.

На спуск Рюханов давил рефлекторно, с двадцатью сантиметрами стали в сердце. Выстрела Хрусталева не слышал. Второго тоже. Просто из спины Волковца что-то дважды вылетело, оставив рваные дырки на камуфляжной ткани. Крови не было. Реакции Волковца – тоже. Он неторопливо вытирал нож о рукав оползшего на ступени Рюханова...

Эту картинку Хрусталева видел странно повернутой – лежал на земле. В луже собственной крови. Картинка быстро темнела – начиная с краев. Больно Вовке не было...

Человек, назвавшийся прапорщиком Волковцом, повернулся к «Уралу», махнул рукой. Лицо прапорщика оказалось не таким, каким виделось Вовке и Рюханову. Его, пожалуй, и лицом-то не назвать – из всех черт синевато-глинистая маска

сохранила лишь глаза...

Через борта машины (отнюдь не тентованой) посыпались фигуры в камуфляже. Без оружия – по крайней мере без огнестрельного. Лица(?) – точная копия Волковца. Беззвучно проходили через КПП, бросив машину.

Вовка Хрусталев всего этого не видел.

Спустя час на Третьем Посту живых не осталось. Последним зарезали позабытого было прожекториста.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Отключение

I. Гамаюн

1.

Проснулся Гамаюн на рассвете – как всегда, без будильника.

Милена посапывала рядом, она любила поспать по утрам. Он осторожно встал, бесшумно оделся, тихонько прошел на кухню – боялся разбудить, от проснувшейся до срока Милены лучше держаться подальше. Скажи кому, что он, начальник всесильного Отдела, местным прозвищем которого – Карахар – аборигены пугают детей на самых дальних кочевьях, – намекни кому, что подполковник Гамаюн чего-то боится и от кого-то предпочитает держаться подальше – не поверили бы. А зря. У всех есть свои маленькие слабости. У него была Милена.

Завтракать Гамаюн не стал, сразу отправился на утреннюю прогулку – тоже привычка. Хотя сегодня, может, и стоило подкрепиться – день предстоял долгий

и событиями переполненный. Много чего, так уж сложилось, должно было сегодня произойти в дополнение к его рутинным обязанностям.

Сегодня – расширенное совещание у Таманцева. Звучит тоже рутинно и достаточно мирно, но все не так просто... И чем оно закончится и во что все выльется – не знает никто. Даже Гамаюн, которому по штатному расписанию положено знать все.

Сегодня – “орлята” затеяли переворот. Путч. Мятеж. Говоря по иностранному – ку д' эта. Тоже, по большому счету, рутина. Заговоры на Девятке плодятся как черви в навозной куче – и вреда от них примерно столько же. Но... Расслабляться нельзя, иначе очередной опереточный путч станет последним. Для Гамаюна – последним.

Сегодня – отключение “двойки”. Вот это серьезно. Вот про это мало кто знает – в отличие от совещания и переворота. Фактически, со всеми подробностями, – четыре человека, Гамаюн пятый. Вполне возможно, что скоро узнают все и будут называть с трепетом, с большой буквы: Отключение. И делить жизнь на “до” и “после” Отключения. Как сейчас делят на “до Прогоня” и “после”. А если карта не так ляжет... Тогда не узнают. И не станут никак называть. Некому будет называть...

И – так уж совпало, но именно к сегодняшнему утру Нурали-хан собирает к ставке, что под Гульшадской горой, своих архаровцев – отовсюду, с самых дальних кочевий... И будет их, по разведанным Сирина, тысячи полторы... А по сведениям из источников Гамаюна – больше.

Гораздо больше. В разы...

Что пришло хану в голову, конечно, неизвестно. Может, решил произвести смотр и воинский парад в честь праздника Заклания Черного Барана (есть тут такой, и вроде должен на днях состояться). Мирный парад с последующей демонстрацией степных трудящихся... Но почему-то слабо верится.

И в самом деле, если взглянуть на все глазами хана, то беспредел получается полнейший: кочевали себе люди спокойно, из года в год, одними и теми же путями, спустились с предгорий к озеру, на весеннюю тюбенежку – и нате вам, подарочек от Тенгри-Ла, айдахар ему в душу. Стоит на исконном месте ханской

ставки, на высоком, вдающемся в Балхаш полуострове – Девятка во всей своей красе. Со всеми прилегающими сооружениями, и со штабом, и с жилым городком, и с объектами соцкультбыта, и с казармами почти на восемь тысяч душ, и т.д. и т.п. – даже с так и не снятым истуканом Вечно Живого на главной площади, на “пяточке”... И – со свежестановленными минными полями по периметру.

Нет, понятное дело, прославленный классиками телеграф Узун-Кулак давно и исправно морзировал Нурали-хану о свалившихся ниоткуда пришельцах – но мало ли чего долгими степными зимами у костров болтают... Воочию хан убедился во всем чуть больше месяца назад, в апреле. Срок достаточный, чтобы прощупать сильные и слабые стороны захватчиков и составить план генеральной их зачистки.

Может, начнут и не сегодня, неизвестно. Но надолго расположить всю орду у горы невозможно – призванных на службу здесь, как всюду и везде, кормит воинское начальство. Хан. Из личных отар. Так что долго держать под знаменами свою дикую дивизию Нурали никак не станет...

...Гамаюн неторопливо шел по просыпающейся Девятке, перебирая в мыслях все события дня грядущего... Увидел обогнавшего Лягушонка в цивильном и с удочками (хотя рыбалку тот презирал) – и понял, что за текучкой позабыл про одно важное для себя событие.

Сегодня его должны были убить.

Доходное, кстати, дело – награда назначена, по слухам, немалая – в самой твердой местной валюте. В баранах.

Награда за голову Карахара.

2.

Местное прозвище подполковника – Карахар – было сокращением. Полное имя насчитывало слогов двадцать, произносилось нараспев, как японские хайку, и

незапоминаемо было в принципе. Переводилось красиво: “Черная Птица, повелевающая Драконами Земли.”

Гамаюн втайне гордился. Драконы Земли – звучит, согласитесь? Хотя означает сей термин лишь танки да БМП... Сокращение звучало хуже, вызывая в памяти малобюджетные боевички о гениях кунг-фу: “Карахар” – “Черный Дракон”...

Но – местные жители таких боевичков отроду не видели и именем Карахара пугали детей – наряду с Хурай-Ла, вечно голодным демоном Земли...

Дети пугались и того и другого. Плакали.

Но Карахара пугались больше.

3.

“Орлята” на заседании своего штаба постановили было начать историческое выступление с ликвидации Гамаюна – на его традиционной утренней прогулке.

Потом, поразмыслив, отказались от тактики индивидуального террора. Решили действовать классически, по проверенной схеме: мосты, вокзалы, почта, телеграф... Ну, честно говоря, мосты с вокзалами в Девятке не наблюдались, а почта-телеграф пришла в последнее время в некое запустение: телеграммы посылать некуда, письма с посылками не поступают... Но здание наличествовало, даже уцелела над ним часть двязычной вывески со странным словом “байналыс”, изображенным кириллицей.

(Что сие означало, Гамаюн примерно догадывался – или “отделение”, или “связи”. До Прогоня знание подполковником тогдашнего местного наречия ограничивалось вывесками на магазинах: “нан” – “хлеб”, “балык” – “рыба”, “азык тулик” – “продовольственный”... Теперь – учил старательно, хотя мова нынешних аборигенов во многом отличалась от прежней.)

“Орлят” заброшенная почта не интересовала. Но к захвату действительно важных объектов они подготовились. Правда – не только они. Гамаюн тоже.

А начальника Отдела пернатые решили прихлопнуть или в ходе операции, или потом – когда ликующее освобожденное население начнет украшать фонари сатрапами и угнетателями. Здравую мысль о том, что поспешная утренняя ликвидация подполковника мгновенно поднимет на ноги Отдел и всю Девятку, серьезно осложнив операцию – эту банальную идею внушил заговорщикам негласный сотрудник Гамаюна, занимавший в иерархии “орлят” не последнее место. Все бы хорошо, но...

Чуял Гамаюн во всем этом деле некий посторонний запах – а на свой нюх он привык полагаться. Больно уж все ко времени, вся эта карнавальная революция... Как раз к отключению. И – кавалерия Нурали-хана за холмами – лишь протруби.

Ни о том, ни о другом “орлята” не знали и знать не могли. Но назначили выступление именно на сегодня. Значит? Вариант простой – к этим придуркам внедрен и мягко на них влияет не только человек Отдела. Есть еще кто-то за кулисами – и цели его, мягко говоря, непонятны.

Ясно одно: если покушение на Гамаюна всё же состоится, то агент в штабе “орлят” – канал для дезинформации. Используют его втемную, или переметнулся – неважно. Важно другое. Возможностей проверить этот источник нет. Водевильный путч может оказаться ширмой для чего-то смертельно опасного. И если...

Короче, с Гамаюном или без него, но Отдел нанесет в случае покушения немедленный превентивный удар. Страшной силы слепой удар по площадям. “Двойку” отключат – так, что включать будет нечего. Орду Нурали-хана выметут огненной метлой – так, что вести давно запланированные масштабные переговоры будет не с кем. “Орлята” вкуче с борцами за другие идеи будут немедленно повязаны, и мгновенно, пока не зашевелились “демориальцы” и жены-друзья-родственники, водворены на гауптвахту, и там срочно вспыхнет бунт, жестоко подавленный с применением оружия – и оппозиции в Девятке не станет.

Совсем не хотелось Гамаюну подобного поворота событий. На счету каждый человек – а завихрения с заговорами скоро пройдут, люди перестанут рваться с пеной у рта к штурвалу – как только сообразят, что штопор перешел в управляемое пике. В полет хоть куда-то...

И с Нурали, понятно, надо договариваться – а не втягиваться в бесконечную войну. И “двойку” отключать надо с умом, не рубить сплеча. Но – рисковать всем и всеми Гамаюн не мог.

А еще – Гамаюну просто хотелось пожить. Да вот выпала такая лакмусовая бумажка. Собственная голова.

...Он вышел на набережную – ею именовалась бетонная дорожка по краю скального обрыва с бетонной же оградкой. Никто не выстрелил из многочисленных окон трех самых удаленных от центра домов жилого городка – дальше лишь гаражи и периметр. Даже не попытался приступить к процессу выстрела – а закончить сие действие едва бы позволили, ребята Ткачика прикрывали окна плотно. Хотя профи в анτισнайперских делах был среди них лишь Лягушонок. И не в одних анτισнайперских. Но практический зачет для молодых не состоялся... Ну и ладно. Пошли дальше.

Гамаюн пошел дальше, вглядываясь в серовато-белесую даль озера – вид с высокого берега открывался роскошный. Балхаш больше похож на море – противоположного берега не видно, а ихний – от горизонта до горизонта. И вода – соленая. Не чуть солоноватая, как до Прогона – соленая.

Жить летом, да у теплого моря – курорт, а вот зимой, резко-континентальной зимой... Зимой Девятка чуть не вымерзла. Система центрального отопления, не рассчитанная на такую соленую водичку, накрылась быстро и бесповоротно. Опреснитель. Котельная. Трубы и радиаторные батареи в квартирах.

Зима выдалась кошмарная. “Двойка” и “единичка” лишились развешанных по стенам тэнов – не хватало, ладили самодельные. Нихромовая проволока на черной бирже стала дороже спирта и сигарет – ее по привычке натягивали между рам двойных окон – пока не додумались, что эти промежутки лучше всего набить старым тряпьем, тепло ценнее света – стали навивать самопальные спирали на что попало – мазут в резервных (уже в резервных!) емкостях убывал, как первач из бутылки в теплой компании – изношенные электросети не выдерживали тройной нагрузки – коротило-искрило-вспыхивало – пополненная добровольцами пожарная команда не знала сна и отдыха... В конце концов накрылась подстанция – конкретно накрылась, на три недели авральных работ. И, по закону подлости, – ровнехонько тридцать первого декабря, вечером, – праздник был грустный. Началась эра буржуек и каменок, сожгли все, что

горело, нужное и ненужное – дети, невзирая на запреты, шастали в степь сквозь весьма тогда прозрачный периметр, за вязанками тоненьких ломких стеблей, сгорающих быстро, как порох... А разъезды кочевников, пусть немногочисленные, добирались и тогда к Девятке с ближних зимовий... Работы Гамаюну хватило. Он работал – жестоко. Для первого впечатления. Здесь встречают не по одежке – по оружию и умению им владеть. Тогда, зимой, он и заработал свое прозвище – которым пугали детей даже на дальних кочевьях.

Тяжкая была зима. Они перезимовали, выжили.

Но на подходе лето – и тоже очень хочется выжить...

4.

– Товарищ подполковник! – пулеметчик вытянулся, выкатил грудь колесом. – Докладывает сержант Гнатенко! За время моего дежурства непредвиденных происшествий не случилось! В шесть часов полста три минуты от второго причала отвалили три маломерных судна согласно приказа полковника Радкевича! На острова поплыли, за яйцами...

Последние слова сержант-контрактник произнес не по-уставному грустно... Видать, опостылела яичная диета. Ничего, скоро сайгаки пойдут сплошным косяком к летним пастбищам, разговеешься...

– Вольно! Продолжайте несение дежурства, – Гамаюн шагнул вперед, по въевшейся привычке проверять всё и всех провел пальцем по не успевшему нагреться на солнце металлу ДШК [1 - ДШК – пулемет Дегтярева-Шпагина, крупнокалиберный. Устаревшая, но мощная и надежная машинка.] .

Смазки оставлено куда больше, чем рекомендует наставление по стрелковому делу. И правильно – здесь, над озером, от мельчайших, невидимых глазу капелек соленой воды, металл ржавеет мгновенно... Молодец Гнатенко, бережет оружие – а его, оружия, мало, и большей частью устаревшее, и спасенное от утилизации, и восстановленное буквально из металлолома.

Эти, к примеру, ДШК лет тридцать назад составляли всю хилую местную ПВО “двойки” и “единицы” – главных объектов, ради которых и существовал весь невеликий городок, не обозначенный на картах, – Балхаш-9. По-серьезному с воздуха их прикрывал ныне канувший Прибалхашск – истребителями-перехватчиками и зенитно-ракетными дивизионами. Потом пулеметы заменили “Стрелой-2”, еще позже “Стрелой-3” – и они лежали себе в консервационной смазке и дождались-таки своего часа – когда выяснилось, что озеро стало после Прогона не только куда солонее, но и гораздо глубже. И что завелись в неведомых глубинах невиданные зверюшки – крупные и опасные.

Но Гнатенко молодец, надо сказать Румянцеву, пусть отметит парня.

Разговор с сержантом происходил в декоративной башенке, венчающей край утеса и навевающей мысли о старинных замках, о Вальтере Скотте, о доблестном рыцаре Айвенго и о других доблестных и не очень рыцарях. Безымянный архитектор, решивший облагородить вид городского пляжа Девятки, именно этими мыслями и руководствовался – а также воспоминаниями о Ласточкином Гнезде в Крыму. Облагородил. И получилось красиво. Дембеля прощальный снимок в альбом делали на фоне башни – традиция. На смотровой площадке звучали вечерами юные голоса, звенела гитара – и проходили всякого рода инициации: первая сигарета, первый поцелуй, первый прыжок с зубца вниз, в озеро (метров двадцать до воды, между прочим, попробуй-ка даже не ласточкой, даже солдатиком, слабо? – стать мужчиной так куда почетнее, это не табак смолить и не губами о губы елозить).

Когда с озера сошел лед, Гамаюн безапелляционно конфисковал эту готическую фортецию. Под пулеметную точку. После первых жертв айдахара. А зубцы к черту сломал – для стопроцентного сектора обстрела. Не в романе живем, не до романтики...

...Три суденышка подходили с озера. Переднее и замыкающее топорщились стволами, на палубах краснели бочонки глубинок. На идущем посередине – ведра и ящики, с горой наполненные яйцами. Интересно, кто кого переупрямит – птицы, привыкшие от века гнездиться на трех островках в паре километров от берега или полковник Радкевич, регулярно уже месяц собирающий несомые ими яйца? А они, бедолаги, несут новые. Надо бы объявить мораторий, а то следующей весной...

Гамаюн оборвал сам себя, поняв, что просчитывает планы уже не на дни и месяцы вперед – на годы. Не стоит. До отключения – не стоит.

Он вышел из айвенговской башни, и прошел соединяющий ее с берегом мостик, и собирался продолжить прогулку по-над заминированным безлюдным пляжем, и проходил мимо «шилки» с неисправной ходовой, используемой как неподвижная огневая точка, и хотел о чем-то спросить ее наводчика, когда...

Нет, его не убили. Даже не попытались. Просто взревели ревуны (тавтология, но так и было). А колокола громкого боя – забили. Тревога. Наводчик метнулся мимо Гамаюна, не спрашивая дозволений и разрешений – все правильно, все на рефлексах, не зря гоняли.

Гамаюн прикрыл ладонью глаза от солнца. Неужто Верблюд? Да нет, не может быть. Тут мелкогато, такой громаде не поднырнуть, не подплыть скрытно.

Три моторки действовали как и положено по сигналу тревоги, очищали батареям сектор стрельбы – закладывали широкую дугу, в сторону от причалов и пляжа – выпустив вперед безоружную. Вслед им под водой быстро, быстрее суденышек, двигалось нечто – невидимое, угадываемое лишь по возмущениям поверхности. Большое и опасное нечто . Догоняло. Совсем рядом... Все артсистемы – бесполезны. Если не жертвовать людьми и лодками.

Ну, бля, Гнатенко!!! Давай!!! Им ведь ни хрена с лодок под таким углом не видно... Лупи! Не жалеи патронов! Огонь!!!

Гнатенко его не слышал, но и сам знал службу, звук от ДШК перекрыл и рев ревунов, и бой колоколов. Вода вскипела – там, где колебалась над массивной невидимой тушей. И плыл там, конечно, не Верблюд.

Там плыл айдахар.

Водяной Змей.

Тревога оказалась почти учебной.

Айдахар наскочил молодой и мелкий – длиной метров двадцать, много двадцать пять. И, похоже, ученый. Из местных, а не заплывший издалека по весне. Чтобы отпугнуть змея, достаточно оказалось двух длинных очередей Гнатенко. Пули, ясное дело, сквозь слой воды и толстую кожу даже не пощекотали айдахара – но характерные звуки их ударов по воде были твари знакомы. И она поспешно отступила вдаль и вглубь.

Все расчеты сработали идеально – и у «шилок», и у безоткаток.

И у бомбометов – эти самодельные конструкции метали посредством порохового зарядика здоровенные красные бочонки – боевые части от старых зенитных ракет С-75. Атак с воздуха на Девятку не предвиделось, да и семьдесятпятки давно списаны и утилизированы – но зачем-то сохраненные БЧ теперь неплохо играли роль глубинных бомб. Убить айдахара могли лишь практически прямым попаданием – но отпугивали надежно, даже самых матерых. Хотя против Водяного Верблюда вся их артиллерия, и самопальная, и штатная, не смотрелась. Это вам не айдахар, не уж-переросток с непомерным аппетитом.

...Водяной Верблюд действительно смахивал на одноименную сухопутную тварь. Издалека. Очень издалека. Двумя торчащими над водой горбами и надменно-верблюжьей головой на длинной шее.

А вблизи... Да... Вблизи он тоже выглядел как верблюд – насмотревшийся фильмов про Годзиллу и Кинг-Конга, и свихнувшийся на этой почве, и покинувший свою верблюдицу с верблюжатами, и ушедший в жизненный поиск. И нашедший в том поиске бесхозно брошенный мировой стратегический запас анаболиков, стероидов и гормональных ускорителей роста. И в одночасье пресловутый запас сожравший – со всеми вытекающими последствиями. И отбросивший в результате копыта, и отрастивший взамен лапы, и перешедший на водно-двоякодышащий образ жизни.

Что там ваш занюханый Лох-Несс, господа шотландцы. Тут один клык с лоховатую Несси будет...

По счастью, думал Гамаюн, вблизи клыки Водяного Верблюда им довелось лицезреть один раз – когда двугорбый житель глубин неожиданно-негаданно решил десантироваться на городской пляж Девятки. Один раз – но этого хватило. Они стянули к пляжу и пустили в ход всё, что у них было. Все, кроме ядерного заряда, которого у них не было. И все оказалось детскими игрушками, комочками жеваной бумаги из трубочки – монстра они не убили. И не ранили. И даже не напугали. Скорее – смертельно ему надоели. Верблюд плюнул на этот негостеприимный пляж и уплыл. Плюнул в буквальном смысле – поверхность береговой скалы на нескольких десятках квадратных метров разъело, как кислотой.

Чем, интересно, этот дромадер-бактриан питается? – подумал Гамаюн без всякого интереса. Такая мысль приходила ему на каждой прогулке, при взгляде сверху на изжеванную и выплюнутую Верблюдом пляжную кабинку для переодеваний (тонны две металла и железобетона – пляж возводил стройбат, на века). Вопрос был риторический. Раз живет – чем-то питается. Может айдахарами. Может – тюленями. Может, ежегодными девственницами от окрестных племен.

...Шаланды, полные яичек, причалили – прямо на пляж, все по инструкции. Высоковато, конечно, бегать по бетонной лестнице с ящиками, но под дулами береговых батарей надежнее. А бойцам тренировка полезна.

Гамаюн пошел дальше, в сторону от озера.

Дальше стояли руины тридцать второго и тридцать первого домов. Напоминали они о Сталинграде, и о вспарывающих камень и кирпич фугасах, и о фельдмаршале Паулюсе, выползающем из-под схожих развалин с поднятыми передними лапками.

Но бои здесь, что характерно, не шли – не докатился германский блицкриг до прибалхашских степей. И фугасы иных супостатов из-за периметра не залетали. И Паулюс, понятно, в подвалах этих трехподъездных домишек не ошивался... Все разгромили свои – за одну ночь. Зимой (уже после Прогоня) дома расселили и отключили от света и тепла в видах экономии. Дабы перевести в личный генерала Таманцева резерв жилого фонда. Ага. Перевели. Всю ночь тени-морлоки копошились в опустевших зданиях – к утру остались лишь стены и перекрытия. Окна, двери вместе с косяками, паркет и линолеум с полов, сантехника, электрика – все под метелку. Обошедший утром оба дома Гамаюн

обнаружил лишь два относительно пригодных к употреблению предмета – забытую на гвоздике в ванной мочалку средней степени изношенности и выцветший древний постер Саманты Фокс – причем о левую грудь секс-дивы кто-то долго и старательно гасил окурки. Гамаюн вполне мог выяснить – кто, но не стал...

Никто из домов-призраков на него не покусился. Хотя местечко идеальное – никто не будет канючить под руку: “ну дай, дай пальнуть!”, узнав, что собираются покончить с опостылевшим начальником Отдела. И дорожек для отхода – куча. Но руины молчали.

Значит – и дальше не убьют. Дальше людно, дальше не с руки. Отлично. Наша благодарность “орлятам” и их штабу. И их рядовым членам, не допустившим нарушения приказа и партизанской самодеятельности. Нервы не шалют, руки не дрожат, все под контролем, все идет по плану заговорщиков. И Гамаюна.

...Он шел в сторону штаба чуть быстрее обычного – возня с айдахаром сбила график прогулки.

Тут в него и выстрелили.

И – попали.

II. Женька

1.

Она спустилась с откоса у шестьдесят второго дома, крайнего в городке, и пошла к гаражам.

Гаражи стояли двумя рядами. Один – вдоль мелководной бухточки (опасные жители озера в эту лужицу не заплывали). Здесь хранились лодки. Моторки.

Катера Замки и двери ржаво-безжизненные – на рыбалку в озеро теперь не выйдешь. И на закате знакомую девушку по гладко-зеркальной воде, прямым курсом на полуутонувшее солнце, – не покатаешь. И в город Балхаш, по магазинам, напрямик, не объезжая долгой степной дорогой озеро – не сгоняешь. Катера уныло ржавели в темноте гаражей – кроме самых больших, реквизированных Отделом на нужды береговой охраны.

Во втором ряду – хоромы автолюбителей. Здесь владельцы появляются чаще, но не особо – за периметр выезжают колонны или конвои, где легковушкам места нет. А невеликие расстояния Девятки и пешком одолеть можно... Да и бензин стал дороже спирта. Женькин папа, впрочем, пешком передвигаться не любил, и добился-таки служебного горючего, и по утрам подбрасывал ее до школы... Но свой «жигуленок» держал под окном – жили они от гаражей далеко (по меркам Девятки, понятно).

Женька проскользнула между кладбищем кораблей и автокладбищем. Двинулась напрямик к периметру, пытаюсь издали углядеть, кто стоит на крайней вышке. Василек? Похоже, он... Точно он. Тогда проблем не будет.

– Привет, – она помахала, остановившись в тени кабины – наскоро сваренной из листов котельного железа – солнце припекало все сильнее, даром что май месяц. Улыбнулась – прекрасно зная, как действует ее улыбка на таких вот тонкошеих, восемнадцати-девятнадцатилетних Васильков.

Он промямлил что-то восхищенно-невразумительное.

– Я схожу, окунусь? – Женька улыбнулась еще раз, стараясь вложить в улыбку некое сожаление: дескать, жаль, что ты на посту, а то бы пошли искупаться вместе, туда, на дальний “партизанский” пляж, куда никто сейчас и не ходит, и где можно купаться как хочешь и с кем хочешь – вдали от сторонних глаз.

Ну как он мог запретить?

Периметр она обошла – заграждения далеко в воду не уходили. Считалось, что водные обитатели стерегут Девятку лучше бетонных плит ограды, колючей проволоки и минных полей. Не совсем так, но знала об этом одна Женька – и не говорила никому.

Она приподняла платице и прошагала озером. Василек – тощий, с выгоревшими ресницами – смотрел ей вслед. Женька знала: смотрит – и отпустила подол на десяток шагов позже, чем могла. Скучно ему стоять там...

Васильку было не просто скучно – тоскливо до безнадежности. Призвали его в прошлом году, глубокой осенью – акурат перед Прогоном. Думал – попал почти на курорт – солнце, фрукты, озеро как море. И, в отличие от солнечного Кавказа, – вражеские пули не летают. Ага, попал так попал... Вот те солнце – загорай, вот те море-озеро – с вышки поглядывай, вот те фрукты – облизывайся. Пули, правда, не летают. Летают дротики.

Он тоскливо смотрел на невысокий холм, за которым исчезла Женька – скалистый кряж полуострова здесь сходил на почти на нет, степь полого спускалась к озеру... Смотрел – и поневоле представлял, как там, на партизанке, куда Женька минут через десять дойдет, она стянет через голову платице, под которым у нее ничего, как поднимет руки, вынимая заколку из копны черных волос, как побежит к воде, и что у нее при этом будет упруго подпрыгивать, и что заманчиво покачиваться, и... Воображение Василька работало бешено, куда там видеопорнушкам – работало в цвете, в звуке, в запахе, со стереоэффектами. Глаза его закрылись, дыхание участилось, рука рванулась вниз, чуть не оторвав с мясом пуговицы хебешных форменных брюк третьего срока...

Он не был маньяком или извращенцем-педофилом. Но из без малого восьми с половиной тысяч обитателей Девятки особы женского пола составляли меньше семи процентов – и одиноких женщин не имелось. Все заняты. Ну, почти все – но шансы солдатика-первогодка в пудовых кирзачах и форме на два размера больше... о чем тут говорить...

Рука двигалась все быстрее. Учащенное дыхание Василька перешло в легкое постанывание.

Жить ему оставалось восемь с небольшим часов.

Женька в гипер-многодетном семействе Кремеров оказалась генетическим казусом.

Кто был в этом виноват: старик Мендель, или Вейсман (тоже не молоденький), или нобелевский лауреат космополит Морган, или гениальный практик Мичурин, или хитро-бездарный практик Лысенко, или многочисленные последователи упомянутых пяти личностей – неизвестно.

Лицам, по глупости своей или нетрезвости осмелившимся предположить, что полтора десятка лет назад послужил причиной казуса кто-то из сослуживцев или соседей майора Кремера – таким дуракам майор долго смотрел в глаза и предлагал тихим до страшности голосом на выбор: получить от него незамедлительно в морду или прогуляться завтра на рассвете за периметр с двумя табельными ПМ. Дураки мгновенно трезвели, растерянно смотрели на пудовый кулак, лихорадочно вспоминали результаты последних стрельб – и в большинстве своем на глазах умнели. А поумнев – первым делом просили прощения у Кремера. И у Эльзы, супруги майора. Та, добрейшей души женщина – прощала поумневших, а хроническим дуракам безвозмездно и вне очереди вставляла потом зубы – раболата Эльза Теодоровна (до 1989 г. – Елизавета Федоровна) стоматологом-протезистом.

Сам майор полагал, что нагадил тут все-таки Мендель со своим законом независимого расщепления генных признаков. Иногда, выпив (пил Кремер по-немецки, редко и аккуратно) – рисовал колонны и шеренги мушек-дрозофил с крылышками разного колера и типоразмера. Соединял насекомых стрелочками и значками брачных союзов. Потом давал мушкам имена: “дедушка Фридрих”, “прабабушка Паулина” и т.д. и т.п. – историю рода Кремер знал превосходно и в лицах. А его семейный альбом начинался с дагерротипов середины девятнадцатого века, сохраненных на всех виражах судьбы (разгон республики поволжских немцев, и выселение в Казахстан – это все мелочи, ордунг есть ордунг). В результате долгих объяснений становилось относительно ясно, отчего Женька так непохожа на остальных Кремеров – белобрысых и веснушчатых.

А ей – было все равно. Она себе нравилась.

Другим – тоже.

3.

Взбудораженное воображение Василька не ошиблось – она стянула платье через голову именно так, как он себе представлял. И – еще один плюс наблюдательному дозорному – под платьем действительно ничего не оказалось. Сверху видно все – знайте это, девушки, гуляющие под сторожевыми вышками...

Но полным провидцем солдатик все же не стал – к воде Женька не побежала. Осторожно подошла, пощупав ногой – в мае на партизанке вода могла быть всякая. Прогревалась несколько дней спокойно – входишь как в молоко. Заветрило ночью с берега, отнесло теплую, поднялась холодная – зуб на зуб не попадает... Женька купалась здесь уже три недели. А до этого больше месяца приходила просто посидеть на берегу. Посидеть не в одиночестве...

Фрау Эльзу от преждевременных седин и глубоких стрессов спасло единственно незнание факта, куда дочь ходит каждый день после школы (теперь – с утра, занятия кончились).

И – с кем встречается при этом.

Вода оказалось средней паршивости, и купаться Женька не захотела. Одна – не захотела. Легла на нагревшийся, но не раскалившийся плитняк. Легла на спину, раскинув руки, закрыла глаза... И уплыла. Не в озеро – в мечты.

...Она была красивой, очень красивой. Ее сестер тоже не считали дурнушками, вполне миленькие пикантные пышечки, но Женька... Хотя Девятка стала раем для не блещущих красотой (и умом) девушек. Город женихов, как знаменитое Иваново – город невест. Но Женька и в Иваново имела бы все шансы...

А здесь выбор оставался лишь за ней. Женька не спешила – и не потому, что ей зимой исполнилось всего пятнадцать. По их меркам, особенно по нынешним, – невеста. В маленьких, затерянных у черта на рогах гарнизонах свои законы.

Раньше бывало так: девушек старше семнадцати в Девятке практически не оставалось – закончив школу, уезжали учиться дальше. Не поступив сразу, зацеплялись как могли в больших городах – лишь бы не возвращаться в

затерянную в прибалхашских степях дыру...

И что прикажете делать молодым лейтехам, сдуру не успевшим жениться в училище или сразу после выпуска? Все выбравшим, да так и не выбравшим? Принцессу ждавшим? А молодым холостым прапорщикам? Молодым и не очень гражданским специалистам (не только холостым, они, бедняги, тут бывали в длительных командировках, без семей, и соотношение специалистов к специалисткам было десять к трем). Ну и?

Что им всем делать? Бром пить? Или наоборот, листать "Плейбой" на ночь глядя? Для стимуляции эротических сновидений?

К чужим женам лучше не соваться. Там у господ офицеров свои игры. Перекрестное опыление. По обоюдному согласию. Не всегда, конечно, все мирно, случаются и эксцессы – но не часто. Сегодня я у тебя, завтра ты у меня, – всё не так постыло служба тянется... Но чужой, сиречь холостой, – не суйся. И убить могут. На дуэли. Были случаи – убивали... И без дуэли могут – тоже были случаи.

(Это, все, кстати, оставалось проблемами белых людей – а солдатские казармы за обиталища таковых от века не почитались.)

Молодые товарищи офицеры выкручивались как умели. Одни гуляли-целовались с малолетками, балансируя на грани между статьей за растление и спермотоксикозом – и мгновенно, уже не выбирая, женились в первом же отпуске. Год-другой холостой жизни в Девятки – любая принцессой покажется. Таких стерв привозили...

Другие – тоже гуляли-целовались со школьницами, но этим дело не заканчивалось. Заканчивалось тем, что юная Джульетта переезжала с вещами к своему Ромео – не такому юному, лет на семь-восемь старше. Родители не препятствовали – пожившие в похожих гарнизонах оч-чень с пониманием ко всему относятся. Справляли неформальную свадьбу – а потом невеста ждала пару-тройку лет, дабы подтвердить свершившийся факт штампом в паспорте. С выпускных экзаменов десятиклассницы порой выбегали к коляскам – покормить, перепеленать...

Так и жили.

Правда, сейчас появились вдовы.

...Женька все видела – и не хотела. Хотела в город, учиться... Хотела... А теперь ничего не ясно и не понятно. Брожение и смятение в умах. Но ясно одно – выпускники и выпускницы этого года завоевывать столицы не поедут. Скорее всего не поедут... Может – не поедет и следующий выпуск. Может – всё навсегда.

Они и сами не знают, эти взрослые и умные. Даже папа, знавший все и обо всем – не знает. И генерал Таманцев, ставший бывать у них в гостях после Прогоня – не знает. (По молодости лет Женька не задумывалась, нормальное ли это явление – генерал-майор, вдруг начавший дружить семьями с просто майором...) Чего-то они ждут важного, и скоро – она чувствовала это хорошо – но совсем-совсем не знают, что это будет и чем закончится...

И даже Гамаюн – не знает.

Она называла его по сохранившейся с детства привычке “дядя Гамаюн”, он любил, когда его звали по фамилии, и она звала, и посматривала на него так, как сегодня на солдата на вышке, как смотрит порой женщина на мужчину – даже если ей едва исполнилось пятнадцать, а ему уже стукнуло сорок два. Он лишь улыбался уголками губ, у него была Милена, рядом с которой – и только рядом с которой – Женька начинала стыдиться царапин на торчащих из-под платья коленках...

Она звала его “дядя Гамаюн”. Но в мыслях употребляла другое имя. Услышанное от Славки Завадского. Имя страшное, как дым степных пожаров, – доносящийся оттуда, снаружи. Страшное – как конвои с приспущенным флажком на переднем БТР – их встречали женщины с помертвевшими лицами: кто?! чей?! Страшное, как ночной звук ревунов с периметра или озера.

Имя страшное, но – чем-то прекрасное.

Карахар. Черный дракон.

Женька лежала, раскинув руки, на теплом плоском камне у самой воды. Мечтала с закрытыми глазами. Странные это были мечты. Считается, что все мечты завершающей половое созревание девушки прямо или опосредованно связаны с иным полом, но...

Ей не надо было мечтать. Стоило лишь выбрать и сказать: да. Или прошептать. Или просто кивнуть...

И – пришел момент, не так давно, когда она кивнула... Но почему-то тогда ничего не получилось... Избранником стал Славик Завадский, лейтенант, из тех, молодых, что напросились в Отдел к Гамаюну с опостылевших своих тыловых должностей. Они со Славкой лишь целовались, и кое-что еще, но самого главного не случилось, она не хотела, а потом... Он трижды ходил в степь, в рейды – и рассказывал ей про горящие зимовья, и про кровь на снегу, и про обезглавленные трупы, и про страшный закон Карахара: двадцать ихних за одного нашего – закон, исполнявшийся любой ценой, и про дротики, которые он вынимал из друзей... А еще он пел странные песни, пугающие и зовущие, услышанные в степи и подобранные на гитаре песни, со словами второпях переведенными и срифмованными, пел и смотрел на нее – и она подумала – пусть будет так, пусть будет всё, раз они идут в степь и их убивают, убивают и для нее тоже, чтобы она жила – и она сказала: да! делай, что хочешь! но... он почему-то не захотел в тот вечер, наутро они опять уходили, на Ак-Июс, и Славка не захотел, сказал что вернется и серьезно поговорит с ее папой, и...

Он не вернулся.

Колонна попала в засаду, хитрую и хорошо продуманную. Кочевники приучались не бояться Драконов Земли.

Гамаюн – с черным лицом, с забинтованной головой – своими руками выгружал “двухсотых”, никогда до того дня их не привозили в Девятку столько – а потом Карахар неподвижно стоял и молчал, когда укладывали и прикрывали знаменем – молча слушал проклятия в свой адрес.

И Женька подумала, что Карахар – имя страшное.

Но – чем-то прекрасное.

5.

Она даже не мечтала – грезила наяву.

Странные были у нее грезы... Здесь, на камне, уже не в первый раз, Женька воображала себя айдахаром. Водяным змеем...

...Она скользила в глубине – поднимаясь, и вокруг было темно, лишь слабо фосфоресцировали изгибы ее многометрового, длинного и гибкого, налитого страшной и упругой силой тела – когда она, чуть повернув голову, косила назад огромным плоским глазом. Желтым глазом...

...Поверхность озера раздалась беззвучно, и светлее не стало, и она поняла – вокруг ночь. Она скользила, набирая ход – уже поверху. А потом слева будто возникло огромное зеркало, увеличивающее зеркало – с ее отражением... Но там появилось не зеркало, там появился Хаа, самый огромный, самый старый, самый мудрый айдахар в озере... Она была велика – он был больше, она была сильна – он сильнее... И – он был прекрасен. Они скользили, касаясь иногда чешуи друг друга, словно случайно – но не случайно... И она чувствовала, что внутри ее что-то растет, что-то зреет, что-то грозит лопнуть и разорваться, если она не будет плыть быстрее и быстрее, и она плыла быстрее и быстрее, она неслась спущенной с тетивы стрелой – огромной многотонной стрелой, способной пробить насквозь небо и землю... Хаа не отставал, он все время держался рядом, и она знала, куда они несутся сквозь ночь – на потаенный, никому не известный островок в самом сердце озера – островок, где такими безлунными ночами свиваются в любовных играх огромные тела айдахаров... В странных играх – и прекрасных.

Интересные бывают грезы у завершающих половое созревание девушек.

Женька ничего не услышала – почувствовала, что солнечные лучи перестали светить сквозь веки – и открыла глаза.

Неохватным вековым стволом над ней нависло поднявшееся из озера тело. Голова размером с глубинную бомбу приблизилась. Огромный плоский глаз

смотрел на Женьку. Желтый.

Айдахар. Водяной змей.

Она не удивилась. И не испугалась. Она спросила, уже зная ответ:

- Это ты, Хаа?

Айдахар не умел говорить. Он наклонил огромную голову и повернул чуть набок - она увидела шрам над левым глазом. Это был Хаа - так его называла Женька.

Она встала.

Она подошла.

Они беседовали - Женька расспрашивала его о тайнах глубин, и о загадках других берегов, и о бесчисленных стадах золотых сазанов, и о тюленях, неизвестно откуда появившихся зимой в озере, и о многом другом... Только о затерянном в самом сердце озера островке, где безлунными ночами сплетаются в странных любовных играх огромные тела айдахаров - только об этом не спрашивала Женька у Хаа...

Змей отвечал, наклоняя голову или чуть покачивая ею - и смотрел на Женьку огромным плоским глазом. Желтым.

А потом... Она обхватила руками чешуйчатую шею, странно тонкую по сравнению с могучим телом (да и голова казалась относительно небольшой). Она прильнула к огромной живой колонне - чувствуя всем своим обнаженным телом, как бьется жизнь и сила под удивительно мягкой и нежной шкурой... Айдахар развернулся, свился громадной спиралью - и распрямылся, буквально выстрелил под визг Женьки в озеро.

Они поплыли купаться...

Может быть, айдахар, прозванный Женькой навевающим мысли о Киплинге именем Хаа, и был самым огромным в озере. Может быть, он был и самым старым... Но самым мудрым не был. Мудрость змей – миф, мозг их слишком мал и примитивен для любых мыслей, даже для глупых.

Айдахары, будучи ближайшими родственниками ужей и степных полозов, в этом смысле ничем от них не отличались. И мозг их отнюдь не развился пропорционально телу. Возможно, ужи и полозы даже превосходили айдахаров – если и не умом, то пластичностью поведенческих реакций. У них, у мелких пресмыкающихся, имелось достаточно хищных неприятелей, пернатых и четвероногих – которые тупых змей съедали в первую очередь. Водяные же гиганты природных врагов не имели... Рыбы в озере хватало с избытком – ну и к чему изощрять хитрость?

Не были айдахары и агрессивными. Не нападали даже на тюленей – мелкие острые зубы в огромных пастьях идеально подходили лишь для охоты на лещей, сазанов и таящихся у дна усатых отшельников-сомов.

Но! Айдахары владели эмпатией – и весьма сильной. Эмоции и настроение мыслящих существ они чувствовали безошибочно. И порой подчинялись неосознанному или осознанному желанию людей. Не всех. Некоторых.

Хаа не беседовал с Женькой, он даже не слышал ее голоса – слух змея мог улавливать другие колебания, исходящие в воде от крупной рыбы. Женька говорила сама с собой. И сама себе отвечала движениями змея. В принципе, жертвы айдахаров – рыбаки с Девятки и два первых, не испугавшихся холодной воды купальщика – убили себя сами. Собственным страхом и ожиданием агрессии...

Женька всего этого не знала.

Она прижималась всем телом к прохладной шкуре Хаа и зажмуривалась, затаивала дыхание – когда змей ненадолго нырял...

Кожа быстро высыхала на солнце, покрываясь тончайшей пленкой соли.

Стоило пойти скорей домой, под душ из относительно пресной воды, пока ее не отключили (с трудом восстановленный опреснитель подавал холодную, мало пригодную для питья воду в дома Девятки по строгому графику). Но Женька не спешила.

Она снова лежала, раскинувшись, на плоском камне – и снова грезил наяву. Но грезы стали другие...

Она представляла себя девушкой, девушкой степного племени – она знала, что ежегодно их приносили в жертву настоящему монстру озера, действительно хищному и безжалостному – Водяному Верблюду.

...Столб высился у самого уреза воды – слабый ночной прибой ласкал ее босые ноги. Ремни, стянувшие тело, не доставляли боли – но держали надежно и крепко. Вокруг тьма, абсолютная и непроглядная. Ей милосердно завязали глаза, чтобы спасти от вида надвигающейся клыкастой смерти, неотвратимой и ужасающей? Или ночь была такой – безлунной и беззвездной? Женька не знала...

Она знала другое – плакать, кричать и пытаться бежать бесполезно. Бесполезно молить о пощаде. Бесполезно надеяться на чудо – что ночь пройдет и никто за ней не явится. Можно только ждать. И она ждала – со странным нетерпением, и уже не просто ждала – призывала: приди, приди, приди... Приди и возьми меня! И дай дождь пастбищам, и дай приплод табунам и отарам, и дай удачу в бою воинам, и дай любовь женщинам... Приди! Возьми! Дай!

Будет не больно – она знала – будет прекрасно...

... Хаа после их купания не уплыл в глубины, он оставался рядом, и он ощущал страстный призыв Женьки... Длинный раздвоенный язык показался из пасти. У основания он достигал толщины мужской руки, но самые кончики были тонкими. Очень чувствительными. Очень нежными... Они дотронулись до загорелой груди еле заметным прикосновением – Женька изогнулась им навстречу, Женька застонала – они невесомо, воздушно скользнули вниз и...

...И все кончилось.

Резко и грубо.

Взвыли сирены в городке – неожиданно, как всегда оно и бывало. Второй раз за утро – но эта тревога не закончилась так же быстро, как и началась... Перекликались на разные голоса ревуны у штаба, и на периметре, и на батареях побережья, и в других местах – не осталось ни одного человека в Девятке и окрестностях, не слышавшего мерзкий вой. Сирены вкручивались в мозг на барьере ультразвука, даже переходили этот барьер – Хаа услышал.

На подобные звуки у айдахаров выработался стойкий неприязненный рефлекс. Многотонное тело исчезло в озере мгновенно, хотя и бесшумно.

Женька не видела, что происходит в Девятке – расстояние небольшое, но прибрежные холмы прикрывали и городок, и значительную часть озера. Но тревога не рядовая. Сейчас начнется... Она торопливо оделась, каждое мгновение ожидая услышать перестук очередей или рывканье танковых пушек. И гадала: где? Периметр? Пляж? Водозабор?

И тут все смолкло. Тишина заложила уши. Ей стало страшно, казалось: это не банальный отбой тревоги, там все кончилось внезапно и быстро, они не успели выстрелить из чего-либо или что-то взорвать, и Девятки больше нет, и она осталась одна в степи, сейчас она поднимется на холм, и...

Она поднялась – бегом, запыхавшись. Девятка стояла на месте. Василек приветственно махнул с вышки. Похоже, он так до сих пор и смотрел в одну точку – туда, где Женька час назад перевалила холм. Она стала спускаться, выравнивая дыхание...

8.

Васильку надлежало неотрывно наблюдать за степью, на то и был поставлен на вышку. Но сейчас он мечтательно смотрел на Девятку, где исчезла между гаражами Женька. Смотрел и думал о многом: что не вечно ему быть черпаком,

что еще полгода – и будет у него право попроситься в Отдел, к Гамаюну, и он попросится, и будет ходить в степь, в рейды, где огонь и смерть, и носить будет не опостылевшее мешковатое хе-бе третьего срока, а ладно пригнанный по фигуре желтовато-серый камуфляж, и черную парадку, в Отделе парадки черные, как у морпехов – издалека все узнают боязливо. И Женька... Василек не знал точно, что получится у него, вернувшегося из степи героя, с Женькой – но наверняка что-то хорошее, не то торопливо-гнусное с изнывающими от безделья бабищами, о чем шепотом хвастали порой ребята, командированные на офицерские квартиры (пока хозяин на службе) починить-перетащить-разгрузить... Что-то чистое и светлое.

Скорее всего, многое могло в мечтах Василька сбыться – был он не дурак и не трус, просто молодой очень – а добровольцев Гамаюн принимал охотно...

Но жить Васильку оставалось меньше восьми часов.

III. Ткачик

1.

– Ну и? – спросил Ткачик свистящим шепотом. Смотрел он в сторону, рот не раскрывался, губы не шевелились – чревовещание, да и только.

Главное и так ясно – прогулка старшего заканчивалась без ЧП. Но хотелось подробностей. Никого не повязали – в развалинах к прицелу приникнувшего или на дороге ветошью прикинувшегося, это понятно. Но, может, кто подозрительный встретился? Не такой, как всегда? Царапнувший по восприятию?

Лягушонок искусством чревовещания не владел, низко нагнул над своими рыбацкими причиндалами, демонстрируя стороннему взгляду, будто что-то там у него стряслось. Крючок отвязался или черви разбежались. Ответил тихо и зло:

– Ну и ни хрена. Давай отбой, мичман. Здесь уже никто не станет... Я и так тут с удочками примелькался, как дурак туда-обратно по берегу...

Лягушонок распустил завязку на чехле с удищами и стал неторопливо завязывать снова. Рыбалку он не любил, удочки служили чистой декорацией. Чехол маскировал СВД. (Плохо маскировал, честно говоря. Снайперская винтовка Драгунова в сборе, с обоймой и оптикой, куда шире связки удочек. И тяжелее.)

А что делать, подумал Ткачик. Что делать, если в Девятке для учета спецов твоего профиля и уровня не нужны компьютеры. И калькуляторы... И простые счета не нужны. Достаточно пальцев одной руки. Ты да я, да мы с тобой. Да еще Багира.

Багира вообще сегодня изображала чудное видение. Или утреннюю посталкогольную галлюцинацию – рыжий длинный парик, плоская сумочка через плечо, косметика (!), обтягивающее платье (!!), туфли на каблуках(!!!)... Каблуки, правда, долго целям маскировки не прослужили... После пяти-шести ковыляющих шагов перекинула сумочку вперед – характернейшим, кстати, жестом: точь-в-точь как АКСУ из походного в боевое; выдернутым оттуда ножом – по каблуку. Потом – по другому. Зашагала менее женственно, но более уверенно.

И без каблуков эффект был. Редкие встречные мужики останавливались, морщили лоб, смотрели вслед. Неизвестная женщина на Девятке – чудеса. Не бывает. Галлюцинация... Но и Багира – без улова. Никто на старшого с близкой дистанции не покусился. Хотя расслабляться рано.

– К “Хилтону”, – скомандовал Ткачик. Глянул на часы. – Восемь сорок шесть, водовозка только что подъехала... Там – последний шанс. У них...

Лягушонок вздохнул и быстро пошагал к гостинице, помахивая удочками и изображая жертву бесклевья. Обогнал Гамаюна. Багира – уже там, заняла позицию чуть поодаль.

Пошел и Ткачик – другой дорожкой, параллельным курсом, прикрывая сзади.. Он тоже оделся в цивильное – спортивный костюм, кроссовки. Пробежка, дескать... Спортсмена Ткачик изображал упарившегося – куртка снята, рукава завязаны вокруг пояса. И что спрятано на поясе – не видно. Благо торс позволял не

опозорить и здесь, в далеких степях, честь Российского Флота. Ни грамма лишнего – атлетичный мужик был Ткачик, сам сознавая то без ложной скромности и ложной гордости. И – был опасный.

Очень опасный.

2.

Ткачик даже споткнулся от внезапной мысли.

Айдахар тебе в душу... Мы все – козлы, кретины... Боец, обычный боец! Мы десять раз прогнали всю партитуру и просмотрели самое очевидное: бойца. “Орлята” пошлют бойца. И тот попытается завалить старшего где угодно – на хрена ему руины, на хрена безлюдное место. Может сработать – потому что Карахар тоже этого варианта не просчитывал.

Проклятье!

Ткачик ускорил шаг, ругая себя и коллег. Их подвела обычная инерция мышления. Прикидывая, как могут действовать дилетанты (пусть даже и повоевавшие, но не имеющие опыта в ликвидациих) в крошечном городке, где любой знает любого – хотя бы в лицо, где не затеряться, не раствориться в толпе после акции – они учитывали лишь жилой городок и его обитателей – офицеров, прапорщиков, гражданских... Все члены боевой группы “орлят” были отсюда. И за ними приглядывали – особенно сегодня. Но! Население казарм (а это больше пяти тысяч, даже с учетом потерь и за вычетом гарнизонов Постов на трассе, “двойки” и “единички”) – никто в расчет не брал. Не имелось там у пернатых пропагандистов-агитаторов, и низовых ячеек не имелось – доморощенные муравьевы и бестужевы собирались солдатиков использовать втемную, подняв по спровоцированной тревоге...

Сейчас Ткачик понял, что там же, в желтых зданиях казарм, могли без всякой пропаганды и подпольщины подготовить исполнителя-одиночку. Бредущий куда-то по делу или без дела по Девятке солдатик – примелькавшаяся до незаметности деталь пейзажа. Никто и никогда не даст словесный портрет

только что, минуту назад встреченного бойца... А через пять минут – и не вспомнит, что встретил. Люди-невидимки... Натаскать такого (стимулов кучу придумать можно) – идеальный исполнитель. Выстрелил и исчез. Не опознают, не вспомнят...

Ткачик перешел с трусцы на полноценный бег. Догнать старшего, прикрыть от только что осознанной опасности. Куртка сползала, открывая вороненый металл, он прижал ее локтем. И побежал быстрее.

Ткачик ошибался. Этот вариант Гамаюн просчитал тоже. Он просчитывал всё и всегда. Но информировал подчиненных, не выходя за рамки поставленной задачи.

3.

У гостиницы, прозванной “Хилтон-Девятка”, толпился народ.

Это не был пяти- или четырех-, или менее звездный отель. Портье, коридорных и горничных в штате не числилось. И интердевочки у входа не дежурили. Более того, постояльцы за проживание в номерах ни рубля (и ни тенге) не платили. Да и номера своего названия не заслуживали – двухкочные конурки. Короче, КЭЧ [2 - КЭЧ – квартирно-эксплуатационная часть. Аналог флотской МИС и гражданских ЖЭК, РЭУ и прочих ПРУ, ЖРУ и т.д. Впрочем, сантехники и электрики из КЭЧ ничем, в смысле скорости и добросовестности ремонта, от штатских коллег не отличаются.] его знает, отчего двухэтажный барак для командированных именовали гостиницей.

Народ толпился – подъехала водовозка с прицепом-цистерной, сегодня утром питьевую получали “Хилтон” и четыре ближайших к нему дома. Ткачик, подбегая, на ходу оценивал обстановку. И – первым делом выхватывал взглядом из общего столпотворения фигуры в солдатском х/б.

Вот четверо наверху, откинули борт и подают вниз сорокалитровые алюминиевые фляги и громадные глиняные кувшины – подобная тара стала появляться на Девятке недавно... Не то, эту четверку Ткачик знал,

старослужащие, обстрелянные, проверенные, каждый день к скважине ездят (та еще служба!). Этим поди подбей в Гамаюна стрелять – руки-ноги оторвут, остальное в Отдел доставят...

Толклись вокруг и другие бойцы. Понурые, в форме не по размеру... Черпаки. Вроде и не самая низшая ступень армейской иерархии – но лишь в обычных условиях. Пополнений не было несколько месяцев, и жизнь вчерашних салаг, ставших ныне черпаками, от смены статуса отнюдь не полегчала...

Но подозрений никто из них не вызвал – подхватывали вдвоем флягу или вчетвером кувшин и волокли на квартиру непосредственного начальства (обычно не ниже майора – у каждого звания свои привилегии). Все емкости подписаны масляной краской – приделать ноги чужой таре и поставить под бражку охотников хватает...

Гамаюн уже удалялся от водовозки и окружавшего ее столпотворения. Ткачик сбавил ход, водил взглядом по расходившимся от машины. Багира занималась тем же сверху, с гостиничного крыльца. В своем наряде и рыжем парике она напоминала путанку-неудачницу, не пойми как угодившую к “Хилтон-Девятке” и бесплодно высматривающую денежного клиента... Лягушонка не видно. Надо думать, распаковал в укромном уголке свою СВД и прикрывает со стороны...

Никто из жаждущих свежей питьевой водички ничего против подполковника не предпринял. Ткачик чуть расслабился. До здания штаба рукой подать, три минуты прогулочным шагом... Вроде пронесло.

Он трусцой огибал все более редющую толпу. Солдатики почти все разбрелись, сгибаясь под ношей. Капитаны, лейтенанты и прапорщики, доставлявшие бидоны до квартир самолично, грузили емкости на всевозможные тележки. Чуть дальше к цистерне выстроилась очередь с канистрами в руках. Обрывки разговоров скользили мимо внимания Ткачика:

– ...прикинь? Загнул – восемь баранок за литр... – ... с Третьего вернулся. Говорит, всех... – ...не успели, всю неделю с опреснителя пили, ничего... – ... кто-кто, дед в пальто. За базаром следи, вон, про... – ... Машка Мейсон в последней... – ... сегодня, здоровущий, метров восемьдесят, говорят, всё, хватит, не поплывут больше за... – ... как печка раскочегаренная, даром что сорок пять, а сиськи... – ... так и скажи. В гробу я... – ... все по расписке, чин по чину. А что мне теперь эти...

Он не вслушивался, главным и почти единственным органом чувств стало зрение, периферийное в том числе. Ткачик улавливал все, стараясь вовремя засечь человека, пока не начавшего двигаться, но уже вогнавшего тело в ритм – внимательным и тренированным глазом такое можно увидеть.

И – он увидел.

4.

Гамаюн не остановился, но начал двигаться странной для непосвященного наблюдателя, плывуще-танцующей походкой.

Ткачик понял, что старшой тоже видит. Видит, как напряжен идущий навстречу – высокий, худощавый, в цивильном. Видит перекинутую через руку куртку (здесь? в конце мая?). Видит скованную, деревянную походку. Видит все – и готов. Готов ко всему.

Ткачик ускорился. И тут впереди что-то сломалось, что-то пошло не так... Что там такое, айдахар вам всем в...

Гамаюн остановился и обратился к встречному. И тот ответил, и тоже остановился, подойдя ближе, и повернулся к старшому, и старшой говорил ему что-то еще, и сделал успокаивающий жест рукой, а тот, высокий, – тот нервничал, тот дергался, тот просто танцевал, рука с перекинутой курткой стала подниматься, сейчас ведь пальнет, на что смотрит старшой...

Ткачика выстрелило с места, как ракету пороховым ускорителем.

Все длилось вечность. Вечность падала куртка, и вечность высокий тянул к блеснувшему оружию зачем-то еще и левую руку, и вечность Ткачик летел оставшиеся ему метры, и вечность удивлялся странной неподвижности старшого, и вечность думал: не успеть...

А потом вечность сжалась в короткие, как выстрел, мгновения.

Удар в бок. Ткачик выдергивает оружие у высокого – по инерции пролетая мимо. Пальцы того хрустят – Ткачик слышит. Секундно удивляется юному лицу стрелка. Падают, группируясь. Вскрывается, рвет из кобуры пистолет. Пушка киллера (обрез?) падает под ноги. Стрелок – успев развернуться – напролом в кусты. Боль в боку – сильная. Прицел ловит узкую спину. Мимо – перекрывая цель – смазанная тень. Рыжий парик. Багира... Ткачик разворачивается, ему уже плевать на стрелка. От Багиры не уходят... Бок болит, ерунда, не смертельно, при сильных пулевых в первые мгновения не больно... Что со старшим?

Старшой на ногах. Пошатнулся, но устоял. Скривившись, держится за левую сторону груди. Пулька смешного калибра 5.6, вскользь пробороздившая Ткачику бок, именно туда и попала.

В область сердца.

5.

Откуда-то выскочили ребята в полном снаряжении – автоматы, сферы, броники. Свои, из Отдела, взвод Васи Скоробогатова. Оттесняли к гостинице позабывших про фляги и канистры свидетелей скоротечной сцены – многие не поняли ничего, щелчок выстрела был почти не слышен.

Трое дернулись в кусты, за стрелявшим. Опоздали, Багира дело знала. Вынырнула из колючей поросли, платье разодрано, на шее свежая царапина. Туфли куда-то канули. Парик сбился, но уцелел. Под мышкой ошарашенный киллер – похоже, испытывавший пару парализующих приемов. Но вполне пригодный к немедленному употреблению. Пацан, старший школьный возраст. Интересные дела...

– Живой, морпех? – спросил старшой Ткачика. Сам Гамаюн был жив, но жутко недоволен. И – неприятно удивлен. А на пойманного террориста даже не глянул. Отвернулся.

Ткачик сплюнул. Поднял руку, осмотрел бок. Кровило сильно, болью отзывалось на движения. Но видно – вскользь, неглубоко. Царапина.

– Живой... Айдахар вам всем в душу... – Ткачик не понимал ничего. Буффонада какая-то... Пиф-паф, занавес, все живы, встают и идут кланяться... Тренировка? С пальбой боевыми? Хм-м-м...

– Триста дойчмарок... – сказал Гамаюн с непонятым выражением.

Ткачик не понял. Старшой пояснил:

– Броник триста марок стоил. По каталогу заказывал... Типа “дипломат”, скрытное ношение. Не знаю уж, чем дипломаты там в посольствах своих друг в друга пуляют... Но серьезный калибр прошьет навывлет, если с сердечником... А мягкой – ребра поломает. И так-то кровоподтек знатный останется...

Ткачику показалось, что подполковник говорит первое пришедшее в голову – чтобы не молчать. И прикрывает словами весьма неприятные мысли... Похоже, информированы подчиненные далеко не полностью, а игра Карахара совсем не так проста. Ребятам Васи все пополам, они свое дело сделали на раз-два, выскочив откуда-то как чертики из коробочки. И Багира с Лягушонком не задумываются, идут за старшим слепо, по привычке, хоть через огонь, хоть через кровь по колено. А вот у мичмана Ткачика есть причины задуматься. Вполне веские причины...

Скоробогатов поднял оружие стрелка. Нечто самопально-несерьезное. Грубо обработанный металл, ручка – искривленная деревяшка. Коротенький стволик без нарезок. Вася потянул аляповатую ручку зазора – показалась серенькая гильза. Тировой мелкашечный патрон, только бумажные мишени дырявить, на уток и то слабоват... Гильза, кстати, только показалась – и дальше не пошла. Заклинилась. Да-а, оружие возмездия. Плевалка.

Хотя издали, действительно, смахивает на обрез. Еще бы с рогаткой послали. Стоило так готовиться – им. Ради этого... Цирк зверей дедушки Дурова натуральный.

Подошли машины, два кунга. Один – с красным крестом.

– Грузитесь, поехали, – хмуро сказал Гамаюн. – В Отдел.

Хреновато день начался, думал Ткачик, пока ему обрабатывали бок. Как начался, так и закончится... Он не ошибся. День предстоял поганый. И не успели кунги доехать до Отдела – всего-то полкилометра, какие уж на Девятке расстояния – предчувствия Ткачика начали сбываться.

Грянула “Тревога-ноль”.

IV. Водяной Верблюд

1.

Водяной Верблюд уверенно и целенаправленно (по крайней мере для стороннего взгляда) рассекал озеро в надводном положении, оставляя за собой мощную кильватерную струю...

Он был живым – и одновременно был мертвым. Случается такое.

В той части, что жила – ритмично сокращалось колоссальное тридцатидвухкамерное сердце, весящее больше любого живого существа на этой планете. И сокращались сердца периферийные, меньшего размера – смерть от инфаркта Водяному Верблуду не грозила, при нужде он мог прожить и на этих, вспомогательных, сохранив большую часть своих способностей... Сердца гоняли кровь по сложнейшей, по дублированной (кое-где – и по строенной) системе сосудов. Кровь ничего особо сложного из себя не представляла – разве что в заменявших гемоглобин молекулах роль иона железа выполняла медь – Верблюд был аристократом с голубой кровью в полном смысле слова. Но кислород псевдо-гемоглобин переносил точно так же.

Двоякодышащим, как то предположил майор Кремер, сохранивший способность наблюдать и анализировать в горячке боя (боем та встреча стала лишь для людей, двугорбая махина их стараний не особо заметила) – двоякодышащим Водяной Верблюд не был. По меньшей мере троякодышащим – кислород ему поставляли и жабры, и легкие, и вся поверхность кожи. От беды, пожертвовав

кое-какими функциональными возможностями, он мог вести и анаэробный образ жизни.

Ласты – четыре пары – позволяли развивать скорость до семидесяти узлов в надводном положении и до тридцати – в подводном. На суше Верблюд смотрелся, как и прочие ластоногие, неуклюжим и смешным (смешным – если смотреть из безопасного далека, желательно с вертолета). Но неуклюжесть была обманчива – тридцать километров в час своими смешными подпрыгиваниями-отталкиваниями он выжимал. Мог зверь передвигаться и без помощи ласт – причем гораздо быстрее...

Шкура была недостижимой мечтой всех специалистов, работающих над проблемами совершенствования брони и прочих индивидуальных и коллективных средств защиты. Эластичная – а на ощупь мягкая, даже нежная – шкура гасила самые страшные удары, равномерно распределяя их энергию на всю необозримо-неподъемную тушу. Мощные кумулятивные снаряды наносили кое-какой поверхностный ущерб – тут же, впрочем, исправляемый почти мгновенной регенерацией.

А еще – Верблюд умел плевать.

Далеко и метко. Испохабивший прибрежные скалы Девятки плевков не в счет, он стал полным аналогом беззлобному человеческому “тьфу на вас”. Харкнув озлобленно, Верблюд мог накрыть разъедающей даже сталь и камень пеной стотысячный городишко – в нескольких десятках километров от себя.

И многое еще умел Верблюд.

2.

Человек имеет пять чувств. Зрение. Слух. Осязание. Обоняние. Вкус. Всё. Экстрасенсы и косящие под них жулики – не в счет.

У верблюда сухопутного, если кто не знает, чувств – шесть. Он, ленивец этакий, умеет чувствовать линии напряженности гравитационного поля Земли. И

караванные тропы (все!) в пустынях и степях отнюдь не идут по геометрической прямой от колодца к колодцу, от оазиса к оазису. Любой может взять подробную карту Сахары или Гоби и убедиться – хитрецы-верблюды чапают ровнехонько по изогравам. По линиям, где их вьюки хоть чуть-чуть, но меньше весят. Параспособные граждане зеленеют аурами от зависти к этим бессловесным скотинам – а верблюдам хоть бы что, идут и поплеывают, они все – экстрасенсы.

Водяной Верблюд, для сравнения, чувств имел свыше тридцати. Шесть схожих с сухопутным коллегой, лишь более развитых – гигантские линзы основных глаз-телескопов доходили в воспринимаемом спектре до инфракрасных волн (ночной тьмы для Верблюда не существовало). Глаза дополнительные, не так потрясающие размерами, даже незаметные на гигантской башке, могли среди прочего, и работать детекторами банкнот – видели и в ультрафиолете. Заодно и излучали. Разбросанные по всему телу незаметные фасеточные глазки увеличивали близкие объекты не хуже электронных микроскопов – при желании Водяной Верблюд мог заниматься исследованиями хоть на клеточном, хоть на молекулярном уровне.

Правда, желаний таковых не возникало. Крохотный головной мозг гиганта занимал доли процента от объема огромной башки – и мыслей и желаний не имел в принципе. Простейшие рефлексy. Примитивные функции управления. Как дышать – чтобы не задохнуться. Как двигать лапами – чтобы плыть. И так далее... Хотя по сдвоенным, продублированным сигнальным системам информация шла не только в мозг.

Некоторые из остальных чувств Водяного Верблюда были темны и функционально-загадочны. К чему, например, водоплавающей твари ощущать и даже количественно определять вектор напряженности вторичных хранионных полей? Загадка... Но одно из чувств Верблюда казалось вполне объяснимым и понятным: он воспринимал мысли живых существ.

Не всех. Некоторых.

Многое мог Водяной Верблюд.

Не мог лишь питаться. Не поедал ни айдахаров, ни озерных тюленей, ни рыбу, ни водоплавающих птиц, ни пришедший на водопой скот, ни многоклеточные водоросли, ни зоо-, ни фитобентос. (Бентос, в просторечии планктон, при всей мелкости своей, для тварей рекордных размеров разлюбезная пища – гляньте на китов и самых крупных акул.)

И даже ежегодно и торжественно приносимыми в жертву девственницами окрестных племен Верблюд пренебрегал. Девственницы, как правило, впоследствии обнаруживались в ханских, нойонских или жреческих гаремах. (Грешили тем лишь жрецы Иссы и Мириам, служителей Тенгри-Ла при вступлении в сан предусмотрительно оскопляли...) Впрочем, некоторые самые бойкие девицы умудрялись перетереть за ночь путы и смыться от вкопанного на урезе воды жертвенного столба в неизвестном направлении – так и рождались нездорово-сенсационные легенды о кровожадности Водяного Верблюда.

Водный гигант не страдал врожденной аллергией на бентос и не робел перед молоденькими девушками. Он просто не мог питаться – ни тем, ни другими. Физически. Огромная пасть и клыки размером с ракету “земля-воздух” имели функции, с приемом пищи никак не связанные: крушить, хватать, кусать и отпугивать внешним видом. Необходимые для пожирания что планктона, что девственниц органы: пищевод, желудок и кишечник – отсутствовали.

Как и положено любому верблюду, этот жил запасами из горбов. Но энергию невообразимая туша получала не расщеплением извлеченных оттуда жиров на более простые химические соединения... Да и не жиры были в горбах. Там хранилось топливо для термоядерного реактора холодного типа, и на пару-тройку миллионов лет при разумном использовании его бы хватило...

Вот так он и жил.

4.

Водяной Верблюд рассекал озеро уверенно и, казалось, целеустремленно.

А в нескольких километрах от него вспыхнуло состояние не то чтобы паники, но весьма сильной тревоги. Второй тревоги за это утро. Тревоги-ноль.

Опять надрывались ревуны и колокола громкого боя, и расчеты торопливо бросались к орудиям, и из динамиков громкой связи по всей Девятке разносился мертвенно-громохвостый голос: “Внимание! Тревога-ноль!! Вэ-вэ!!! Повторяю: Внимание! Тревога-ноль! Вэ-вэ!!! Повторяю...”

Пулеметчик Гнатенко выматерился. Его ДШК был против ВВ... Ничем он против Верблюда не был. Но сержант удивительно вовремя вспомнил поговорку о последней соломинке, ломающей хребет верблюду. И – загодя стал ловить прицелом виднеющиеся в нескольких километрах горбы и голову на длинной шее – за дальностью расстояния не слишком потрясающие воображение. Ну плыви сюда, парнокопытное... я те пощекочу хребтинку хворостинкой... соломинкой... – шептал сержант. Странное дело, он почти хотел, чтобы тварь подплыла скорее...

Но Верблюд, похоже, держал курс не на Девятку.

Чуть-чуть в сторону.

5.

Водяной Верблюд плыл. Он был живым – и одновременно был мертвым.

В той части, что оставалась мертва – в зловеще-пустых коридорах тускло мерцало аварийное освещение. И в жилых отсеках, и на боевых постах, и в лабораториях – таких же зловещих и таких же пустых – столь же мертвенно светили аварийные лампы странного вида – похожие на крупных улиток с хитро закрученной раковиной.

Улитки казались живыми – погасшие медленно уползали к утилизационным отверстиям, на смену им приползали новые – но лишь казались. Здесь все было мертвым и ничего не было живым.

Улитки светили – и могли (при разумном расходе топлива для реактора) светить еще пару-тройку миллионов лет – не освещая никого. Никого живого. И – никого мертвого. Системы утилизации давно освободили коридоры и каюты от мертвецов – те не обиделись, при жизни они тоже не относились с почтением к трупам, считая покинутое духом тело падалью, хотя и пригодной для использования.

Лишь одно место – ходовая рубка – освещалось нормально. И только там сидел во вращающемся кресле человек.

Почти сидел – скорее, полулежал, руки и голова бессильно упали на нечто, отдаленно напоминающее панель управления – но имевшее вместо клавиш, тумблеров и индикаторов лишь ряды многочисленных отверстий. Некоторые из них светились – неярко, разными цветами. Отверстия не имели никаких надписей – и не обозначались каким-либо иным способом.

Человек был тоже “почти” – иссохшая мумия, система утилизации среди штатного оборудования рубки не числилась. Мертвец казался весьма похож на человека – две руки, две ноги, одна голова... А такие мелочи, как третий фасеточный глаз над переносицей и количество длинных паучьих пальцев (имелось их по восемь на каждой кисти) – это не главное. Разные почти люди встречаются в иных краях и временах...

На полу валялся сенсорный шлем – свалившийся с вытянутой, шишкообразной головы мертвеца – тоже вытянутый, шишкообразный. Устилавшие внутреннюю поверхность шлема длинные ворсинки электродов шевелились, как живые... Они и были отчасти живые – через них шла обычно связь между живой и не-живой частями Верблюда. Управление. Мог Водяной Верблюд двигаться и на некоем аналоге автопилота – и двигаться гораздо осмысленнее и целенаправленнее нынешних своих многовековых шатаний... А при отсутствии цели и приказа на ее достижение – Верблуду полагалось лечь на дно в глубоком месте и экономить энергию. Ждать указаний.

Но случилась беда.

Беда случилась в неудачный момент (а бывают ли удачные – для беды?) – когда аналог автопилота получал аналог новой программы... Когда ручное (в смысле – сенсорное) управление отсоединялось от бесчисленных живых и не-живых

систем Верблюда – и не отсоединилось до конца. Когда автопилот брал на себя функции управления – и завис на середине процесса... Обрывки старой программы автопилота сталкивались с фрагментами новой, порой противоречащими. Устройства и механизмы включались и отключались бессистемно и тупо, живые органы порой получали отменяющую команду, не успев исполнить предыдущую.

Верблюд то бесцельно болтался по поверхности, то на долгие месяцы опускался в глубины. Неуклюже выползал на берег, чтобы тут же плюхнуться обратно. Включал и выключал свои тридцать с лишним органов чувств. Они, эти органы, – не только и не просто исследовали окружающий мир... Иные из них, работавшие по принципу “сигнал-отклик” и включенные на полную мощность, – мир активно меняли.

...Компенсаторы качки в рубке отключились. Совсем недавно – чтобы включиться через секунду или вообще никогда. Верблюд рыскал, часто и бесцельно меняя курс. Качало. Голова мумии перекачивалась по пульта – слегка. Казалось, мертвец осматривает рубку – и недоволен увиденным. Шлем катался по полу. Ворсинки шевелились активнее, чем обычно. Порой касались друг друга – тогда между ними проскакивали фиолетовые искорки. И при одном касании-искрении произошло...

Умей Водяной Верблюд думать – решил бы, что произошло чудо. Он снова уловил управляющий сенсорный сигнал – слабый, очень слабый – но четкий и недвусмысленный. Это действительно казалось чудом – но Верблюд не умел думать, и не изумился, и не возликовал. Просто стал исполнять. Исполнять сигнал, сразу отменивший болтающиеся в автопилоте обрывки полустертых программ.

Водяной Верблюд поплыл уверенно и целенаправленно.

Впервые за много веков – целенаправленно.

Танки остались на местах боевого дежурства – у слабых мест периметра. Бээмпешки, грады и две бывших на ходу «шилки» – тоже. “Крокодилы” – полностью готовые к боевому вылету – остались на вертолетной площадке. Личный состав остался там, где застала его “нулевка”. Потому что прозвучал отбой...

Гнатенко снова выругался – Верблюд нырнул и не вынырнул. Всё. Боя не будет. По опыту многих дальних наблюдений и одного близкого известно – ВВ тварь простая и незамысловатая. Хитрым маневрам не обученная. И допетрить до простой вещи – что выходить на дистанцию атаки лучше в подводном положении – не способная.

Дежуривший по береговой обороне майор Румянцев выждал немного – и дал отбой “Тревоги-ноль”.

7.

Чудо оказалось недолгим.

Слабый управляющий сигнал исчез – внезапно, как и появился. Но свое главное дело он сделал. Водяной Верблюд избавился от того, что люди называют сомнениями и метаниями. Через несколько секунд после исчезновения сигнала автопилот включился. Активировал резервную программу “Ожидание сигнала.” Огромная туша остановилась и исчезла из глаз наблюдателей. Верблюд медленно опустился на скальное дно. Там, в паре километров от Девятки, было относительно неглубоко – голова на длинной шее виднелась бы над поверхностью... Но ВВ опустил шею, полностью скрывшись под волнами.

У дна качка не ощущалась. Голова мумии застыла на пульте – повернутая набок. Под тем местом, где у людей бывают брови – пустые впадины. Два глаза не видны – не то высохли под ноль, не то провалились вглубь черепа... Третий, фасеточный, глаз выглядел живым, искрился крохотными самоцветными гранями... Смотрел. Наблюдал. Усохшие губы обнажали два длинных ряда остро-одинаковых зубов. Казалось, мертвец улыбается.

А Верблюд ждал. Спокойно ждал возобновления сигнала. Он умел ждать.

Он вообще многое умел – Верблюд.

8.

Еще Водяной Верблюд умел петь.

Именно так. Случайно оно получилось, или некто, проектировавший некогда систему динакомпенсаторов шкуры монстра, оказался законченным эстетом – уже не узнать.

Но факт остается фактом – при замене охлаждающего агента в динакомпенсаторах отработанный и загрязненный агент (проще говоря – смесь инертных газов) выпускался в атмосферу с характерными звуками, не очень даже громкими, учитывая размеры шкуры и системы – но за пару километров слышными. Стравливание происходило равномерно, компенсаторы были раскиданы по огромной площади, на разных расстояниях от выходных отверстий... Звуки различались по высоте, длине и тону – и складывались в песню. Странную песню, печальную и торжествующую одновременно.

Замена хладагента производилась (если не слишком часто лупить по Верблюду из артсистем прямой наводкой) один раз в сорок-сорок пять лет. И услышать на ночном берегу тревожащую душу песнь Верблюда считалась великим предзнаменованием у многих поколений, живших и умиравших на берегах Соленой Воды... Внимавшие пению простые пастухи становились воинами и полководцами, а воины – великими Каганами, а женщины – о, про тех женщин и зажженную ими любовь потом долго рассказывали речитативом у степных костров – и ночь казалась слушавшим рассказы короче, и буза казалась пьянее, и единственная постылая жена, унаследованная со сворой детей от старшего брата, павшего в набеге во славу пресветлого хана – даже эта не старая, но истомленная ежедневной работой и ежегодными родами женщина казалась молодой, свежей и желанной – и стоны любви раздавались до утра под дырявыми кошмами пастушьих юрт...

А уж если кто слышал песнь Водяного Верблюда не один – вместе с женой или возлюбленной... (Или хотя бы рядом оказывалась только что взятая мечом в горячей сече пленница – еще связанная волосяным арканом, еще взнузданная прижимающим кляп сыромятным ремешком, еще косящая свирепо-влажным взглядом – как кобылица, необъезженная и не знающая узды, – но уже чувствующая в глубине души, что пришел хозяин, что воля кончилась, – и ждущая со сладким страхом обжигающего кожу свиста камчи и затем, после укрощающей боли, – ждущая ласки...) Мужчина любил под песню Верблюда женщину так, как никогда до того или позже. И мудрые люди говорили, что потом рождались лучшие из тех, кто жил во все века на земле – но не говорили, кто... Иногда мудрость молчалива.

Вот как умел петь Верблюд.

V. Кремер

1.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ОТДЕЛ АНАЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И НАУЧНЫХ РАЗРАБОТОК.

27.05.2002 (дата условная)

исх. N 00389/2002

Кол. экз. – 3

Экз. N 1.

Командиру в/ч 1602379 [3 - Номера в/ч условные.] РА,

и.о. командира в/ч 959832 АРК

генерал-майору Таманцеву А.Н.

Копии:

Начальнику Отдела ВБ и СР

подполковнику Гамаюну А.И.

Главе администрации

ЗАТО "Балхаш-9"

Мозыревой С.И.

На ваш запрос N 0879/2002 о пространственно-временной дислокации объекта ЦСКО-016/2 ("Девятка"), наступившей в результате пробного прогона оборудования технических сооружений N 1 и N2

ИНФОРМИрую.

1. Географическое положение объекта.

1.1. Осуществление стандартной процедуры определения координат методом радиопеленгации не представляется возможным ввиду прекращения работы используемых для вышеуказанного определения радиомаяков. О причинах прекращения см. подробнее п. 2.5.

Вывод: отсутствует.

1.2. Астрономическое определение координат:

– географическая долгота объекта ЦСКО-016/2 составляет 74 гр 49 мин 18 сек в.д. Предполагаемая погрешность измерения – 15 мин. Столь высокая погрешность связана с несовершенством измерительных приборов и отсутствием астрономических таблиц, соответствующих году проведения вычислений.

– географическая широта объекта: между 45 и 47 градусами с.ш. Более точное определение невозможно в соответствии с причинами, изложенными выше.

ВЫВОД: географическая привязка объекта к поверхности планеты предположительно осталась прежней.

2. Хронологическое положение объекта.

2.1. Данные гидрологических наблюдений.

Измерения ранее фиксированных глубин в прибрежной зоне оз. Балхаш позволяют сделать вывод о резком углублении дна вышеназванного озера и кардинальном изменении подводного рельефа. Карта измерений со старыми и новыми значениями прилагается (прил. 1). Аналогичные измерения в центральной части озера признаны нецелесообразными ввиду больших потерь личного состава и техники, сопровождавших попытки означенных измерений.

Анализ озерной воды показывает рост солености с 7.5‰ до 29‰. Химический состав растворенных в воде веществ см. в таблице (прил. 2.). Ввиду отсутствия результатов аналогичных исследований, произведенных до Прогона, качественное определение произошедших изменений невозможно.

ВЫВОД: Гидрологические наблюдения позволяют предположить отсутствие или кардинальное изменение в настоящий момент времени гидрорежима р. Или, сток которой до прогона опреснял западную часть оз. Балхаш и осадждением наносных пород способствовал обмелению озера.

2.2. Данные астрономических наблюдений.

Визуальные наблюдения выявили смещение созвездий северного полушария по сравнению с имеющимися картами звездного неба. Отсутствие специалистов-астрономов и методик расчета не позволяют произвести идентификацию хронологического положения объекта по величине прецессии земной оси.

ВЫВОД: отсутствует.

2.3. Данные антропологического и лингвистического анализа.

При работе с предоставленными Отделом ВБ и СР материалами выяснено следующее:

– этнос номадов (кочевников), в настоящий момент населяющий прилегающие к объекту территории, антропологически относится к большой индоевропейской расе;

– означенный этнос пользуется языком...

2.

Майор медицинской службы Кремер внешностью напоминал борца сумо – закончившего карьеру и пристрастившегося к пиву. То есть мышцы под слоем жира перекачивались ого-го – на неофициальных чемпионатах Девятки по армрестлингу борьба шла за второе место, первое безраздельно принадлежало Кремеру. А главным призом упомянутых соревнований по традиции всегда было пиво... Короче, замкнутый круг – не так давно разорвавшийся ввиду отсутствия пивоварен в досягаемых окрестностях (равно как и пивных баров, ларьков, бочек на колесах и торгующих живительной влагой магазинов).

Сейчас экс-борец сидел и уныло прихлебывал мутноватую бражку, налитую в фирменную бутылку из-под баварского... Бражка была слабенькая, почти без градуса, скорее прохладительный напиток – но в приемной Таманцева такое дозволялось одному Кремеру.

Происходил он из породы вечных майоров, получив это звание одновременно со старлейскими звездочками Гамаюна. Гласных причин тому находилось множество, негласная одна – происхождение. Чистокровно-арийское. С подобным происхождением карьеру, понятное дело, лучше строить в бундесвере. Лет десять назад, когда все летело к чертям и летал каждую среду прямой рейс Караганда-Франкфурт, набитый “советскими немцами” – тогда Кремеру намекали открытым текстом: пиши рапорт, через пять лет твои медицинские секреты устареют и подписки кончатся, начнешь новую жизнь на исторической родине... Кремер не внял и остался на фактической родине – вечным майором.

– Товарищ майор, пройдите, пожалуйста, к товарищу генерал-майору, – прошелестел дежуривший в приемной капитан Прилепский – из породы штабных холуев, умеющих мгновенно переходить от подбострастной угодливости с одними к пренебрежительному хамству с другими. Перед Кремером (теперь!) он прогибался. Почти так же, как перед Таманцевым и Гамаюном.

– Выброси, – сунул майор ему в руки опустошенную бутылку.

И шагнул в кабинет генерал-майора Таманцева А.Н., командира в/ч 1602379 Российской Армии, и исполняющего, ввиду чрезвычайных обстоятельств, обязанности командира в/ч 959832 Армии Республики Казахстан – короче говоря, в кабинет начальника всея Девятки.

3.

...условно названным “псевдо-тюркским”, вероятно относящимся к алтайской языковой семье. Язык с большой долей вероятности отнесен к кыпчакско-кайсацкой группе – до 30-35 % корней слов совпадает с современным(?) казахским языком. Отсутствие квалифицированных специалистов-тюркологов не позволяет делать более обоснованные предположения.

Вывод: данные антропометрии и лингвистики позволяют предположительно датировать хронологическое положение объекта ЦСКО-016/2 между III тыс. до н.э. и VI веком нашей эры, когда произошло постепенное вытеснение и ассимиляция индоевропейских этносов Великой Степи монголоидными.

ПРИМЕЧАНИЕ: в указанный временной промежуток р. Или существовала и впадала в оз. Балхаш.

2.4. Данные этнографического и военно-исторического анализа.

Недостаток материала и отсутствие специалистов по истории, этнографии и религии степных культур позволяет сделать достаточно общий ВЫВОД...

4.

Не особенно прекрасным ноябрьским днем, когда вдруг обнаружилось, что ведущая от Девятки бетонка в трех километрах от городка исчезает, обрезанная как ножом – а дальше девственная степь; и выяснилось, что точно так же обрывается ЛЭП, а эфир чист от любых шумов искусственного происхождения; и Москва, равно как и Астана, и весь остальной цивилизованный мир отчалили в неизвестном направлении, оставив Девятку неведомо где, и, главное, непонятно когда – короче говоря, после Прогоня многие вещи обесценились, а многие приобрели новую цену.

В частности, перестали чего-либо стоить пометки в личном деле Кремера, ставящие крест на дальнейшей карьере в свете пятого пункта. И, наоборот, весьма выросли в цене громадная эрудиция майора, абсолютная память, хранящая и по нужде выдающая всю читанные или слышанные факты. А также блестящая способность к обобщению и анализу разноплановой информации.

Тогда за майора Кремера, руководившего на Девятке медициной, развернулась настоящая борьба. Гамаюн всенепременно хотел перетащить его в свой, спешно создаваемый на пустом почти месте Отдел внутренней безопасности – причем если побывавшие в горячих точках, ко всему привыкшие люди для боевых операций на Девятке нашлись, то с аналитиками было туго.

Сирин, руководивший разведкой и внешней безопасностью, всеми правдами и неправдами пытался заманить майора в свою конкурировавшую с Отделом службу. По тем же причинам...

Точку в споре поставил Таманцев. Учредил своим приказом отдел аналитических исследований и научных разработок, поставив во главе Кремера. Забот у новой структуры хватало: и медицина, оставшаяся за майором; и разработка методов добычи нефти без какой-либо бурящей техники; и получение из той нефти бензина и дизтоплива – тоже, естественно, без оборудования для крекинга. И многое другое.

Но задачей номер один ОИРа оставалось:

Где сейчас Девятка?

И – когда?

5.

– технологическое развитие окружающего объект этноса соответствует культуре “железного века”, классического полу-номадического типа;

– социальное развитие соответствует периоду складывания феодальных отношений с сохранением большого количества родо-племенных пережитков;

– местные верования, ввиду недостатка информации и отсутствия специалистов, не могут быть отнесены ни к одной из современных мировых религий и предположительно являются шаманизмом, полиспиритуализмом или религией “бон”(?);

(Рукописное замечание на полях майора Кремера: “Единст. конс-м была подвинута на ак. Г-ве жена к-на Соболева!”)

– отдельную загадку представляет отсутствие на вооружении местных жителей механических метательных устройств (луков, арбалетов, самострелов). В исторический (и археологический) периоды развития Великой Степи подобных этносов в ней не известно.

Вывод: на основании вышеизложенного даже приблизительное определение хронологического положения объекта не представляется возможным.

2.4. Данные зоологических и ботанических исследований.

Удалось выявить лишь два кардинально новых для степного биоценоза вида. Оба вида ведут водный образ жизни и, предположительно, их появление связано с изменениями гидрологического режима оз. Балхаш.

Упомянутыми видами являются:

– т.н. “айдахар” – предположительно, животное класса пресмыкающихся, достигающее, согласно визуальным наблюдениям, размера 60 и более метров;

– т.н. “водяной верблюд” – животное, классификация которого в настоящий момент представляется затруднительной.

Согласно данным имеющихся в распоряжении Отдела АИ и НР немногочисленных палеонтологических источников, останки подобных животных в окрестностях оз. Балхаш никогда обнаружены не были.

ВЫВОД: отсутствует.

2.5. Данные радиографических исследований.

По результатам...

6.

– У меня один вопрос, Макс: зачем ты украсил эту лабуду грифом “совершенно секретно”? – генеральский палец постучал по трем листкам доклада Кремера. Светло-серые глаза смотрели вопросительно, будто их владельца и в самом деле заботила именно эта загадка – и никакая более.

– Исполняя твой же приказ: все исходящее из ОИРа – под гриф, – терпеливо ответил Кремер, словно и вправду поверил, что именно сей факт и интересует начальство больше всего. Наедине майор и генерал были на “ты”.

Таманцев помолчал. Спросил другим тоном, негромко:

– И все-таки: где мы? В нашем собственном прошлом? В параллельном мире? Или, чем черт не шутит, – в будущем? В каждом разделе этой писульки делаешь новый вывод, а в резюме объявляешь, что единого вывода сделать невозможно... Где мы, Макс?

Кремер ответил грустно и так же негромко:

– Не знаю... Тебе известно, какие у нас тут специалисты... В каких науках. Расположение созвездий, к примеру, изучалось в полевой бинокль и сравнивалось с собственной памятью и с картой звездного неба из школьного учебника... Ну и что? Решили, что сдвинулись созвездия... Прецессия, понимаешь, произошла. На сколько сдвинулись? За какой промежуток могли так сдвинуться? Да и сдвинулись ли вообще, а? Что мы тут все после Прогоня сдвинулись, это точно... И вполне могли увидеть на небе то, что хотели увидеть... А когда появился первый айдахар, еще осенью – кто-то завопил: да мы не в нашем прошлом, мы в параллельном мире! И тут же нашлась куча подтверждающих фактов. Вернее, истолкованных как подтверждающие...

Таманцев слушал, не прерывая. Когда Кремер замолчал, спросил:

– Я так понял, Макс, в параллельные миры ты не веришь. Хотя гипотеза не более дикая, чем загадочная трансформация “двойки” в машину времени на десять тысяч пассажиров... Хорошо. Тогда давай пройдемся по узловым моментам. Попробуй обосновать их с точки зрения нашего родного и законного, в учебниках описанного прошлого...

– Беда в том, что мы не знаем прошлого, а учебники... Ну ладно. Попробуем.

– Слой Хевисайда? Вернее, его отсутствие? Мы потеряли два Поста – без дальней связи. Во многом из-за этого...

Кремера подобные мелочи смутить не могли:

– А кто тебе сказал, Саша, что он был, этот слой, до опытов Попова и Маркони? Значительно раньше? На века, на тысячелетия? И имел те же свойства? Все течет, все меняется. Звезды и те гаснут и зажигаются... Не говоря уже про появление пустыни Сахары, или возникновение озоновых дыр. Могли и свойства ионосферы измениться. Я слышал вполне обоснованную версию: возникновением слоя Хевисайда мы обязаны самому крупному катаклизму нового времени – взрыву вулкана Кракатау. А это – девятнадцатый век...

– Почему вокруг ни одного конкретно известного в истории народа? Почему кочевники почти все рыжеголовые – а говорят на тюркском? Ну, почти на тюркском...

– Тюркоязычные народы, как я понимаю, языком и определяются, никак не внешностью... Не антропологией. Не узкоглазостью, проще говоря... В наше время, вспомни и сравни: гагаузы и киргизы. Или азербайджанцы и казахи. Есть внешнее различие?

– Ну хорошо... – Генерал повторял не раз уже обсужденное, но словно надеялся услышать от Кремера что-то новое. – А почему историки нигде и никогда не упоминают названия окружающих нас народов?

– Какие историки? Нынешние, в смысле – тогдашние? Они базировались на источниках, на информации современников. А те... Геродот знал о Великой Степи и ее обитателях понаслышке, переврав все до неузнаваемости... В позднейшие века Европа ударилась в такой изоляционизм, что принимала на веру откровенные байки Марко Поло про Китай и Степь... Сам Поло, по всему судя, дальше Каспийского моря не доехал и труд свой накатали по рассказам ходивших по Шелковому пути караванщиков – тоже не дураков приврать. В принципе, все наши знания о прошлом – или о настоящем – этих мест базируются на китайских хрониках. А более западная часть Великой Степи, Прибалхашье, было для китайцев дальним захолустьем, краем Ойкумены... И, в любом случае, на всех картах с указанием расселения по Степи древних народов, что мы так старательно изучали после Прогоня по Гумилеву – названия всех племен и племенных союзов – китайские. Китайские! Наши соседи могут быть и динлинами, юэнями, и кем угодно еще – для летописателей Поднебесной. Сами себя они называют адамары – люди. Человеки. Типичнейшее, кстати, самоназвание... А соседей именуют по каким-либо чертам и особенностям,

которые их от нормальных людей отличают: “белые мечи”, “коротконосые”, “черные шапки”...

– А дротики? Почему они воюют против нас с дротиками? Все племена, что ты назвал, луки знали.

– И эти знают. Гамаюн привозил луки с кочевьев... Может, нас принимали поначалу за демонов, а против них, допустим, стрелы считаются бессильными... Или еще какое табу... Да и луки, что Отдел захватывал – слабенькие, на птицу явно. У дротика здешнего поражающая способность куда выше.

– Хорошо. А наши милые зверюшки? Айдахары? Верблюд?

– Айдахары... В принципе, все объяснимо. Реликты-эндемики, уцелевшие с более древних эпох. Бывает такое. Вспомни комодских варанов. Ты читал мою подборку из старых газет – там регулярно муссировались степные легенды про айдахаров. Наряду с Несси, снежным человеком и якутским чудищем озера Лабытнор... Даже экспедиции энтузиастов выезжали несколько раз – на поиски айдахара. Правда, на озеро Кок-Коль. Но это неважно, через тысячу лет после того, как эти ужи-переростки повымерли от каких-то причин, могло сместиться и место якобы их обитания... Откочевало племя к другому озеру – и легенда переехала. Единственная неясность – почему не находили скелетов... Так тут какой ведь казус... Палеонтологов у нас, конечно, нет, однако одно предположение банальная логика подсказывает. В отложениях юрского периода находили останки и гигантских крокодилов, и гигантских черепах, не говоря уж о ящерах. Но про гигантских змей не припоминаю что-то. Предположение: платой за гибкость упругого позвоночника змеи стала его плохая сохранность, быстрое разрушение после смерти владельца. Мало кальция, много мягких тканей в хребтине – нечему окаменеть. С айдахарами достаточно просто... Но вот Верблюд...

Кремер сделал паузу и подумал: зачем Таманцев все это очередной раз слушает? Почти ничего нового я не говорю, а он чего-то ждет, какого-то слова, какой-то последней капли в чашу своих мыслей, которая позволит ему решиться... На что? Все-таки пустить побоку все демократические пережитки и объявить себя самодержцем, нас с Гамаюном и Сириным визирями – и вперед, благо наступать есть куда?

Таманцев больше не задавал вопросов, смотрел на майора серо-голубыми глазами. Кремер продолжил:

– С ВВ все сложнее... Такое впечатление, что он чужой здесь... Айдахары свои, а Верблюд чужой. Легенды кочевников к двадцатому веку глухо упоминали о “водяных верблюдах” – но из них не создавалось впечатление о такой громадине... Кстати, есть сильное подозрение, что скотинка эта рассекает озеро в полном одиночестве. Да и непонятно, чем бы могла тут питаться устойчивая популяция ВВ – несколько десятков, а то и сотен голов. В мировом океане еще туда-сюда. Версия простая – зверюшку забросил сюда тот же эффект, или тот же катаклизм, что и нас. Из далекого прошлого... Но – зашвырнул лет этак на сто раньше, как минимум. Потому что для нескольких поколений аборигенов ВВ есть конкретная и привычная данность... Долголетие для такой махины – явление нормальное, чем крупнее организм – тем дольше достигает зрелости и дольше живет... А что кости этого одного-единственного экземпляра не отыскались – ничего удивительного, никто дно озера на квадраты не разбивал и метр за метром не прочесывал.

Таманцев слушал уже невнимательно. И сказал, когда Кремер сделал паузу:

– Ладно, Макс. Пусть так. Пусть мы сейчас в неидентифицированной эпохе нашего родного прошлого. Скажи мне другое: где мы окажемся после отключения “двойки”? После сегодняшнего отключения?

7.

Вот оно что, подумал Кремер. Значит, Таманцев все-таки решился. Решился пойти на самый рискованный из возможных вариантов. Рискованный полной неизвестностью своих последствий... Все логично – на поддержание аппаратуры в рабочем состоянии уходит три четверти электроэнергии Девятки. Гибель Третьего и Четвертого Постов перерезала тоненькую ниточку трассы, связывающей их с полуостровом. С топливом. С колодцами, в которых самым примитивным, прадедовским способом черпают “земляное масло”, “кровь земли” – так называют нефть кочевники... И даже восстановив Посты (на что тоже уйдет прорва горючки), полную безопасность трассы они гарантировать не смогут. Слишком много вооруженного народа шатается сейчас в степи – сезонный выпас

скота начинается именно отсюда, с возвышенностей, с плоскогорья, переходящего далее в предгорья Заилийского Ала-Тау. Через месяц-полтора трава здесь пожелтеет, выгорит – стада и люди уйдут ниже, где больше влаги... Но эти полтора месяца с их жалкими остатками ГСМ без трассы не протянуть – все сожрет “двойка”...

Все так. Но...

Генерал не пошел на отключение зимой – когда городок вымерзал, когда топливные емкости пустели с устрашающей скоростью, когда Гамаюн сквозь огонь и кровь прокладывал трассу... Даже когда накрылась подстанция городка, когда в квартирах покрывались льдом стены и люди спали, надев всю одежду, под грудой всех наличествующих одеял – даже тогда Таманцев не отключил “двойку”. Не перекинул энергию на жилые дома. Рискнул – и выиграл: Карахар нашел нефть, Карахар протянул трассу, Карахар успел.

А сейчас... Сейчас фора больше, и больше вариантов можно опробовать... Но Таманцев решил – именно сегодня. Значит, имелись другие причины. Веские.

8.

– Не знаю, Саша, – сказал Кремер. – И никто не знает. Вариантов, как сам понимаешь, ровно три: либо мы останемся, где и были. Либо вернемся в исходную точку. Либо... провалимся еще куда-нибудь.

Таманцев не желал “еще куда-нибудь”. Он сказал:

– Все источники, что ты перелопатил за полгода, утверждают однозначно – ничего похожего на развалины Девятки здесь не находили. Значит? В прошлом мы не останемся, и глубже провалиться не можем. Либо восстанавливаем статус-кво, либо сваливаемся на головы потомков, как Карлссон из поднебесья...

– Мы заодно перелопатили и всю беллетристику о путешествиях во времени, – парировал Кремер. – Там рассматривается схожий вариант. Все просто – с момента нашего появления здесь будущее изменилось, и руины “двойки” и

городка там появились. Но мы читали другие учебники и всего этого, естественно, не знаем...

Таманцев устал от дискуссии. Все это говорилось не раз, но никакая истина не родилась из бесплодных споров. И он сказал:

– Ну ладно. Никаких новых возражений против отключения я не услышал. Сегодня аппаратура будет обесточена.

Ничего от этого не изменится, подумал Кремер. Ничего. Можно выдвигать любые дикие теории про то, каким образом банальный радар, пусть и сверхгигантских размеров, перебрисил Девятку на тысячелетие-другое назад. Можно сколько угодно теоретизировать о мифических хранионах, которые вдруг стала излучать аппаратура... Но ясно одно – той энергии, что мы подаем на “двойку”, – не хватит, дабы поддерживать процесс столько месяцев.

Нет его, процесса.

Дал некий результат и закончился. И Сашка отключит “двойку”, и все останется как есть, и он поймет, что серьезные мужчины из Генштаба и военной прокуратуры никогда не возьмут его за шкуру и не заставят отвечать за все тут произошедшее... И станет он, наконец, нормальным местным султаном – и не самым худшим, смею надеяться... А если повезет и нас всех быстро не прикончат, то через пять-шесть поколений все вернется на круги своя: потомки смешанных браков будут пасти овец вокруг останков Девятки, и в речи их будет сотня-другая славянских корней, а ножи и дротики будут перекованы из металла танков и бэтээров... И лишь степные сказители будут вспоминать порой старую легенду о страшном Карахаре. О Черной Птице, повелевающей Драконами земли...

– У тебя есть три часа, чтобы забрать Лизу. Хочешь – Гамаюновы ребята смотаются быстренько... Или сам на вертушке слетай. Но смотри, как бы зятек твой в степь не драпанул с Лизаветой под мышкой. С Драконами неба они вблизи не знакомы.

– Незачем, – Кремер выговорил это слово медленно, чуть не по слогам. – У нее есть муж и будет ребенок. А у нас нет гарантии, что мы всей Девяткой не приземлимся в начале триасового периода...

На самом деле майор не сомневался, что они никуда не приземлятся, потому что никуда не взлетят. И не хотел дергать старшую дочь понапрасну.

Майор Кремер был хорошим аналитиком.

Хотя иногда ошибался.

VI. "Двойка"

1.

Паренек, выстреливший утром ему в сердце, мог приходиться Гамаюну сыном. Это не образное выражение, намекающее на разницу в возрасте.

Именно мог. Именно сыном.

Но не приходился. Вместо этого попытался прострелить подполковнику сердце из самопальной конструкции – оружием это назвать язык не поворачивался. Но убить железка могла.... Теоретически. На деле едва ли – оценив калибр и самого стрелка, Гамаюн просто позволил пальнуть в броник.

...Про женщину, сидевшую напротив начальника Отдела, сочинители дамских романов сказали бы: на лице ее оставались следы былой красоты. И сказали бы слабо. Следы остались как от тяжелого танка, прошедшего по заботливо взрыхленной погранцами контрольно-следовой полосе – туда, затем обратно, потом покрутившегося на месте... Короче говоря, красивая была женщина, хоть и не молодая.

– Мне надо знать одно, Наталья, – кто стоял у Кешки за спиной, – сумрачно сказал Гамаюн женщине.

На самом деле он знал – Кеша Петрищев, сын погибшего на Ак-Июсе майора Петрищева, примыкал к некоей малочисленной группе молодых лоботрясов.

Программа сего политического течения была незамысловата.

Пункт первый: нечего сидеть на Девятке, дожидаясь неизбежного призыва, надо отправляться в большие города, где ждут их не дождутся большие возможности, большие деньги и доступные девушки.

Пункт второй: поскольку исполнению п. 1 мешает злокозненный Гамаюн, выдумавший отсутствие пресловутых городов и осадное положение – подполковника надлежит уничтожить и приступить к исполнению п. 1.

Недавно в рядах организации назрел раскол – фундаменталисты по-прежнему утверждали, что виноват во всем исключительно Гамаюн, а прогрессисты пришли к выводу, что начальнику Отдела провокация таких масштабов не по плечу, и действительно кое в чем виновата включенная “двойка” – посему п. 2 надлежит дополнить разрушением данного сооружения...

Даже “орлята” казались на фоне Кешкиной компании чрезвычайно серьезными людьми – и на болтовню пацанов никто внимания не обращал. Ни Отдел, ни его оппоненты. Благо никаких средств для выполнения программы у молокососов не имелось. Теперь вот нашлись.

...Наталья плакала. Говорила много и растеряно.

О том, каким послушным мальчиком был всегда Кешка. О том, как его потрясла смерть отца. И о том, чьим он мог стать сыном, – Наталья тоже сказать не забыла.

Гамаюн оказался на ногах. Не встал, не вскочил – именно вдруг оказался на ногах, рядом с ней. Навис, выдохнул тихо и страшно:

– На кону восемь тысяч жизней. Даже больше. И не надо разводить ностальгические сантименты. Что прошло – прошло. Что могло быть – не случилось. У нас назревает большая неприятность – из степи. Очень большая. И если какие-то ниточки от Кешки тянутся за периметр... Сейчас тебя отведут к

нему – поговорите. Не старайся быть логичной, побольше слез и эмоций – как сейчас со мной. Насколько я Кешку знаю – поплывет. Я должен знать, стоял ли кто за ним... А чтобы плакалось тебе убедительнее, имей в виду: если он промолчит и за него возьмутся спецы по допросам, ты не увидишь его даже мертвым. К счастью для себя – не увидишь. Иди!

Она беззвучно открывала рот, пыталась что-то сказать. Он нажал кнопку на столе. В дверях мгновенно возникла Багира – без парика и платья, в нормальном своем виде. Скользнула к Наталье, на вид несильно сжала за локоть: идем. Та едва переставляла ноги...

Гамаюн блефовал. Не имелось у него настоящих, профессиональных, готовых на все спецов по допросам третьей степени. Конечно, выпотрошить информацию из пленного более-менее обучен и любой сержант-сверхсрочник, занимавшийся разведкой или противодиверсионными мероприятиями. Но применять методы экстренного потрошения к своим, к сыну погибшего товарища...

Таких людей в Отделе не было.

2.

Прослушивание сорока минут семейной беседы ничего интересного не принесло: истеричные слезы матери, робкий интерес сына: что с ним будет? (с легким, неуверенным намеком на тот факт, что гражданского суда в Девятке нет, а воентрибуналу он не подсуден). Затем увещевания срывающимся, полным неподдельного ужаса голосом. Снова рыдания, объяснения сквозь слезы, что с ним будет...

Сработало. Расчет оказался точен. Парень поплыл. И заговорил.

Однако – лгал. Брал все на себя, уверял мать, что мстил за посланного на убой отца.... Но и эта ложь говорила о многом. И молчание говорило – молчание о придурочных дружках, об утопических мечтах покончить с Карахаром, об однокласснике Володьке Черепанове (Черепе). Тот с детства грешил изготовлением стреляюще-взрывающихся конструкций, работающих на

спичечных головках и т.д. и т.п. Гамаюн сильно подозревал, что именно из самоделки этого Кулибина в него и стреляли утром...

Нет, серьезные люди подобрали бы Кеше и оружие серьезное. И замотивировали бы его у пацана появление – дабы самим остаться в стороне. И приказали бы все валить на диссидентствующих друзей: мол, сбили с пути, запутали, подставили. Так что? Опять совпадение? Не многовато ли на один день их набирается?

Гамаюн отключил аппаратуру, не дослушав душещипательно-мексиканскую сцену. Вышел из кабинета. Коротко бросил Лягушонку:

– Конвой готов? Панкратов на месте?

Выслушал утвердительный ответ, кивнул:

– Едем на “двойку”.

3.

С Кешей Петрищевым, впечатлительным семнадцатилетним пареньком, на самом деле все произошло гораздо проще. И сложнее.

Еще вчера он и в мыслях не имел поиграть в героя-народовольца. Да, ругал начальника Отдела в компании, – так и все ругали... Но знал, как уважал того Кешкин отец. И в глубине души не считал Гамаюна повинным в смерти майора Петрищева..

А этим утром с Кешей стало твориться непонятное.

Он пошел к Черепу, не совсем понимая, зачем идет. Разбудил и настойчиво попросил пушку, не понимая, зачем просит. Отправился к “Хилтону”, механически переставляя ноги. Шел вроде бесцельно, без всякой мысли – однако пистолет-самоделка был до хруста в суставах стиснут потной рукой. И – аккуратно прикрыт курткой. Зачем?

Только увидев Гамаюна, неожиданно и резко он понял все. Мысль оказалась четкая, лишенная тени сомнения. Но... какая-то чужая. Потом все произошло очень быстро, все замелькало, как в зажатом в токарном станке калейдоскопе, – сомневаться времени не осталось.

Лишь оказавшись в Отделе, в крохотной комнате без окон, Кеша задумался: зачем и почему он все делал? Задумался и за полтора часа убедил себя, что мстил за покойного отца. Почти убедил...

Гамаюн всего этого не знал.

4.

Конвой был небольшой – три грузовика, два БТР – старые, чиненные-латанные “семидесятки”, на которых еще 40-я армия спешила раздать все интернациональные долги....

Могли доехать и по-простому, на одном бронетранспортере – до “двойки” езды меньше четырех километров степью. Но Гамаюн предусмотрительно захватил кое-какие запасы и людей – самых проверенных бойцов. На всякий случай. Мало ли что. Если вдруг “двойка” останется одна в девственной степи – после Прогона, будь он неладен, можно ожидать всего .

...Гамаюн смотрел на степь и думал, что тысячелетие-другое вперед или назад ничего для этих краев не меняют. Прошлой осенью он ехал степью сюда, к новому (вернее, хорошо забытому старому) месту службы. Ехал из Караганды – Балхаш не принимал, затянутый низкой пеленой облаков. Шесть часов степью. Шесть часов мелькал за окном один и тот же пейзаж – побуревший ковыль без конца и края. Имелись, конечно, где-то неподалеку населенные пункты, но в этих местах они отнюдь не выстраивались вдоль трассы, прямой, как полет стрелы, – проселки разной степени накатанности уходили в сторону, к невидимым, прячущимся в низинах белым домишкам. Да изредка торчали опоры ЛЭП – чужие и инородные в степи... И – все; никаких больше примет начала двадцать первого века. Гамаюну и тогда казалось, что в любую секунду могут вылететь из-за гребня всадники на быстроногих аргамаках, с кривыми саблями и тугими луками – вылетят и понесутся с воплями за панически газующим

«уазиком». Тогда – не вылетели. Все началось чуть позже.

...На КПП с треснувшей стеклянной вывеской “Техническая площадка №1” [4 - Плод недремлющей мысли какого-то особиста старых времен. В целях секретности территория, где располагалось “сооружение N2” (т.е. “двойка”) – именовалась “площадкой N1”. “Единичка”, понятно, находилась на “площадке N2”. Конспирация...] они сдали пропуска и получили новые, внутренние – для входа в сооружение. Маразм, конечно – никто чужой ныне подделать пропуска с фотографиями способен не был. Маразм – но Гамаюн не спешил отменять опостылевшую процедуру. Не то чтобы опасался, коли доведется вернуться, ответить еще и за нарушение режима секретности – нарушения всех видов висели сейчас на нем гроздьями. Просто чтобы люди не расслаблялись. На двух Постах вот, похоже, расслабились.

Сооружение, именуемое “двойка”, напоминало огромный клык, терзающий небо. И до Прогона оно числилось самым высоким зданием в Казахстане. Сейчас, надо думать, – во всем мире. Наклонная плоскость одной из стен, вся, сверху донизу – была сплошной неподвижной антенной.

Корифеи Кремера предполагали (от беды, от отсутствия других версий) что электромагнитное излучение включенного на полную мощность гигантского радара каким-то образом совпало по фазе с другими полями и излучениями. С темпоральными... Никем пока не обнаруженными и не замеренными. Гамаюну, честно говоря, это казалось бредом. Но лучшего объяснения тому, что творилось вокруг, пока никто не придумал...

5.

Сереза ждал внутри. Сереза Панкратов – последний оставшийся гражданский специалист по вычислительному комплексу 13Н7 – электронному мозгу огромного сооружения. Сереза, опоздавший к началу Прогона по банальной причине глубочайшего похмелья...

– Без изменений? – спросил Гамаюн, заранее зная ответ. Последние полгода радикальных изменений в вычислительном зале “двойки” не наблюдалось.

– Да вот... визуально девиаций процесса не зафиксировано... – как всегда витиевато сказал Сережа. Вид у него был смущенный, будто он один нес ответственность за все беды. Дышал Панкратов в сторону, но помогало это слабо.

От Сережи Панкратова всегда и сильно пахло одеколоном – как перегоревшим внутри, так и пролитым на одежду и шевелюру. Причем поддерживал Панкратов исключительно российских парфюмеров, скупая в торговых точках Девятки “Русский лес”, именуемый Сережей неизвестно за какие потребительские качества “шартрезом”.

Пристрастие Панкратова зародилось в годы жесточайшего сухого закона в Балхаше-9 – а в новые времена переросло в закоренелую привычку. Гамаюн с пониманием отнесся к слабости последнего спеца по 13Н7 – конфисковал в военторге все наличные запасы “шартреза” и выдавал Сереже ежедневную порцию, стараясь удерживать того в относительно работоспособном состоянии...

– Пойдем, поглядим, – сказал Гамаюн. – Напоследок.

Поднимались на пятый этаж долго – потолки здесь были шестиметровые, да и нумерация не учитывала технические “подэтажи”, где стояли охладительные установки и змеились по многоярусным решетчатым стеллажам хитросплетения тонких и толстых кабелей. Так что топать без лифта фактически пришлось на десятый.

...Дежурный по этажу вытянулся, начал докладывать – Гамаюн не дослушал, махнул рукой, подошел к застекленной перегородке, заглянул внутрь.

Внутри все оставалось как обычно. Внутри шел Прогон. Стояли длинными рядами высокие, в полтора роста, черно-красные шкафы. Мигали в странном завораживающем танце панели светодиодов – зеленоватых, желтых. На дисплеях ЦПУ пробегали столбцы цифр и латинских букв – шестнадцатеричный код, иных языков программирования для 13Н7 не существовало. Звуки сквозь стекло не доносились, но Гамаюн хорошо знал их: мерное и громкое гудение аппаратуры – каждое отдельно взятое устройство работало почти бесшумно, но суммарный эффект напоминал жужжание улья со снятой крышкой. Растревоженного улья...

Машинный зал работал, как обычно. По крайней мере первая линейка. Гамаюн прошел левее, обойдя почерневший участок стекла – здесь они поначалу, в близком к панике состоянии, пытались было пробиться в зал направленными взрывами, помаленьку наращивая мощность. Пытались – пока не сообразили, что хрупкое стекло и их заряды существуют сами по себе, и скорее всего – в разных потоках времени.

Гамаюн всмотрелся. Под этим углом можно было частично видеть, что творится на второй линейке. Все то же самое – Прогон. Затянувшийся Прогон. Все правильно, режим 3-2-0: три линейки [5 - Изделие 13Н7 состояло из пяти полностью дублирующих друг друга машин, способных работать как автономно, так и в связке. Линейкой именовалось как каждое из пресловутых пяти устройств, так и помещение для его размещения – с хорошую волейбольную площадку размером.] (первая, вторая, четвертая) пашут, две других в полной боевой, включены, настроены, готовы подключиться при нештатной ситуации на любой из работающих. Насколько знал Гамаюн, дальше план Прогона предусматривал режим 3-1-1, до которого дело не дошло. Три-два-ноль так и работал. Уже полгода.

И уже полгода там, за стеклом, – работали люди. Наружу с начала Прогона не вышел ни один. Сначала до них пробовали достучаться, докричаться, дозвониться. Потом пытались пробиться силовыми способами. Потом – привыкли, как привыкают люди практически ко всему. Сменявшиеся наблюдатели смотрели через стекло уже без всякого боязливого интереса. Дежурные равнодушно заносили в журнал увиденное. Жены офицеров, оставшихся на линейках, не рвались больше всеми правдами и неправдами на “двойку” – а дорвавшись, не высматривали часами мелькнувшую знакомую фигуру. И, высмотрев, – не бились о стекло грудью, не пытались разнести преграду припасенными молотками, не впадали в истерику и не требовали разобрать “двойку” по камешку, но освободить поильца-кормильца. Кошмар превратился в рутину. Любой кошмар, растянувшись на полгода, в нее превращается...

Ничего нового Гамаюн не увидел. Людей на первых двух линейках немного – почти все собрались на четвертой, с ее ЦПУ управляли Прогоном. Именно там толпились военные и гражданские специалисты, и высокие чины из Москвы, и высокие чины из Астаны, и шишки от правительства, и даже (кто бы пятнадцать лет назад подумал!) наблюдатели от вероятного противника...

А здесь... Двое у ЦПУ – капитан Загорский и Лена Нефедова, из питерских специалистов – толстая смешливая дамочка лет тридцати. Видно, как незамужняя Лена что-то говорит капитану, что-то веселое и никак с Прогоном не связанное – оба смеются. Двое штатских настройщиков возьмется у шкафов. И все.

Гамаюн вернулся к столу дежурного, снял трубку:

– Ткачик? Выводи людей, начиная с верха. Готовность минус двадцать.

Через двадцать минут обрубят питание не предусмотренным инструкциями способом – не с ЦПУ тринадцатой. Гамаюн предпочел, чтобы вся его группа оказалась в этот момент снаружи.

– Там... – Сережа начал и не закончил. Снял очки, нервно протер. Гамаюн посмотрел вопросительно.

– Там... Светка... Возле УАСа...

Возле устройства абонентского сопряжения действительно возилась Светка Потанова. Что-то у нее было с Сергеем? – Гамаюн не знал. Десять лет жизнь бросала его вдалеке от Девятки – а когда довелось вернуться к Прогону, узнать такие подробности не успел – очень скоро пришлось ежедневно принимать решения, от которых зависели жизни. Много жизней.

По лестнице, мимо пятого этажа, грохотали сапоги. Эвакуация началась.

– Ты сам все знаешь, Сергей, – сказал Гамаюн мягко. – Пойдем. У нас меньше двадцати минут.

6.

Наружу звук взрыва не вырвался, лишь слабый хлопок – пироножи, перерубившие толстенные силовые кабеля, в тротиловом эквиваленте составляли величину несерьезную. Но лампочки на импровизированном выносном пульте погасли все разом – “двойка” обесточена.

Гамаюн смотрел не на пульт – в степь. Туда, где вдали обрывалась ЛЭП. Провода, свисавшие до земли с последней покосившейся опоры, исчезли еще зимой. Но сама она стояла, не так просто оказалась поживиться бесхозным металлом – ни автогенов, ни ножовок по металлу у аборигенов не водилось. Если все сработает, как мечталось, то сейчас появится продолжение высоковольтки...

Хлопок. Не появилось. Не сработало...

Вдали, на вершине холма – несколько всадников. Разъезд Нурали? Неважно. Важно другое: минуту назад они там тоже виднелись. “Двойка” осталась, где и была. И когда была.

Гамаюн не сказал ни слова. Посмотрел на часы, кивнул Лягушонку. Три зеленые ракеты ушли в небо. Через несколько секунд оттуда, где за складкой местности притаился городок – взвились две другие ракеты, красные. И там все в порядке. Если это можно назвать “в порядке”...

Вот и все.

Прогон закончен.

Прогулка в прошлое – нет. Прогулка затянется на всю оставшуюся жизнь... И повезет – если действительно затянется. Молчали все – подавленно. Первым заговорил Гамаюн, бросил через плечо, не оборачиваясь:

– Связь с генералом, срочно. Мичман! Группу на исходную, с фонарями. Глянем, что там на пятом.

Голос звучал как обычно. Почти как обычно.

7.

На пятом этаже не изменилось ничего. Абсолютно ничего за стеклом не изменилось. Горел свет в обесточенном помещении. Работала 13-я, тоже

обесточенная... Работали люди. Или призраки людей. Или крутилось запущенное непонятно как и непонятно кем межвременное кино – с пленкой, склеенной кругом, без начала и конца...

Они зашли вчетвером и остановились у перегородки.

Сережа, судя по всему, просто обрадовался – что Светка никуда не исчезла. Ткачик высказался витиевато, помянув айдахара, 13Н7 и высказав смелую с точки зрения биологии и техники гипотезу об их вероятном сожителстве, порождающем такие вот штучки. Багира промолчала.

Гамаюн не удивился, не огорчился и не обрадовался. Эмоции кончились, как боекомплект в затяжном бою. Он сказал:

– Пошли через “подэтаж”.

Тот факт, что пройти на линейки все-таки можно, стал одним из наиболее охраняемых секретов Девятки – но все четверо имели к нему допуск. Они пошли: спустились по лестнице, зашли на “подэтаж”, в тусклом свете аварийного освещения протиснулись через все хитросплетения металла и пластика, поднялись по узенькой винтовой лесенке и по очереди вынырнули из откинутого с грохотом люка.

На этом пятом этаже тоже не изменилось ничего. Аварийное, как и всегда, не горело – лучи фонарей выхватывали из тьмы ту же картинку: раскуроченные шкафы, хрустящую под ногами их начинку (эксперты Кремера утверждали, что пластмассовым деталям, вынесенным с этого пятого этажа – лет сто как минимум). Кострище в центре зала – пластиковое покрытие пола выжжено до металла, вокруг обгорелые клочки бумаги, наверху, на потолке – большой след копоты... Все как всегда, все остается таким, каким стало в день Прогона.

Они прошли через все линейки, к выходу. Стеклянная стена, сквозь которую они смотрели недавно с другой стороны, отсюда была столь же неразрушима. Но непрозрачна. Такой и осталась – зеркально-черная поверхность отражала фонари подошедших. И – их фигуры. Пропорции отражений оставались так же неприятно-искаженными.

Все ясно – все по-прежнему. По-прежнему непонятно.

– Уходим, – сказал Гамаюн.

Он так до конца и не разобрался, какой машинный зал истинный: тот, что виден сквозь стекло, или тот, в который попадаешь через подэтаж. Последний можно пощупать, вынести что-нибудь из ветхих обломков – но счетчики показывали, что видимый через перегородку фантом исправно потребляет энергию... Теперь – уже потреблял. Но отключение на функционировании призрака тринадцатой не отразилось... Загадка природы. Айдахар с ней, пусть Кремер со своими разбирается. А на долю Гамаюна и других загадок хватает. Неприятных загадок. Кровавых.

И решать их придется. Не удалось выдернуть штепсель и убрать с экрана костюмный боевик с Нурали-ханом в главной роли. Шпионский сериал про заговор и путч “орлят” тоже продолжается. И, что самое поганое, остается детективный сюжет: кто за всем этим стоит? А если уж говорить прямо: где он засел? В Отделе? В штабе Таманцева? Других вариантов нет.

Кто подставил колонну на Ак-Июсе?

Кто сдал Третий и Четвертый Посты?

Кто?

И – как?

8.

Ехали обратно, оставив на “двойке” консервационную бригаду. Гамаюн о состоявшемся отключении, которое никогда не станет Отключением с большой буквы, не думал. Приказ выполнен, проехали. Он крутил в мыслях все те же два вопроса, вставшие вчера, когда стало ясно, что даты трех событий случайно на один день сойтись не могут. Кто и как? Как и кто?

Как гипотетическая крыса общается со своими гипотетическими контрагентами в степи? Радиосвязь? Теоретически возможно, в пределах прямой видимости радиоволны проходят и недолго научить даже неграмотного кочевника нажать пару кнопок на уоки-токи. И язык их не так уж сложен, достаточно запомнить несколько сотен слов, дабы сносно общаться. Но это в теории. А в жизни... После того, как Гамаюн заподозрил неладное, эфир сканируют плотно – любые несанкционированные переговоры исключены. Если, конечно, отбросить вовсе уж бредовую версию о хитрой шпионской аппаратуре, сжимающей кодированную информацию и выстреливающую ее игольно-коротким импульсом...

Тогда что?

Какая-нибудь экзотика? Голуби или другие почтовые твари? Или некая система условных сигналов? Например: порядок чередования разноцветных подштанников, сушащихся на видимой из-за периметра веревке. Версия – блеск. Но если ее все-таки отбросить и не посылать людей перетряхивать выстиранное белье – тогда стоит признать, что в степи пользуются единственным способом передачи информации: хайдарами. Вестниками. Причем сообщения чисто устные, никакой там курьерской почты... В степи вообще письменностью не пахнет, хотя несколько каменюг, покрытых смахивающими на руны значками, ребята из Отдела в рейдах встречали. Но, вполне может быть, оставили их предыдущие насельники здешних мест.

А сейчас все просто, никаких механических носителей информации – исключительно из губ в уши. Длинные послания излагают белым стихом – с четким ритмом, помогающим не пропускать слов. Все так. Остается вопрос: кто этими хайдарами-вестниками работает? И как они пересекают периметр? Свои, из Отдела – едва ли. И не в чести мундира дело, в рейдах все на виду, не до шпионских рандеву...

Идеальное место – привоз. Выгороженная площадка сразу за главным КПП, куда кочевники приезжают для меновой торговли. Бартер сей, поначалу опасливый и неуверенный, становится все более оживленным, растет количество и людей, и товаров. За всеми тут не проследишь, да и следили за главным – чтобы гости не провезли оружие. И не вывезли. Место идеальное, но вот время... Слишком редки эти торжища – а информацию о рейде на Ак-Июс кто-то слил на редкость оперативно. И, похоже, не одну информацию – действия противника весьма отличались от всех предыдущих, не блещущих тактической осмысленностью.

Полное впечатление. что засаду проработал кто-то, хорошо знакомый с оперативным планированием... И выдал подробную инструкцию, которую беспрекословно исполнили (тоже интересный и тревожащий момент). Значит – привоз отпадает.

И – отпадает периметр, за него Гамаюн ручался. Разве что какой камикадзе вплавь или вброд по озеру – до первого айдахара.

Остается одно – Школа. Не одиннадцатилетка для офицерских детей, а Школа. Туда ходят дети кочевников – надо думать, не за светом знаний, а за мелкими подарками, уносимыми ежедневно. За железом, высоко ценимым в степи. Школа (как и привоз), казалось, сыграла свою роль в налаживании отношений с соседями. Резко сократилось число нападений степняков – и число жестоких ответных ударов. Казалось, все пошло на лад... Дети – послы мира, как говорили когда-то. Или будут говорить. Но, похоже, так лишь казалось – до Ак-Июса и вырезанных под корень Постов. До объявленной Нурали-ханом мобилизации.

Школа... Дети-шпионы? Пионеры-герои на степной лад? Школой руководила Милена. И Гамаюну хотелось просчитать иное решение загадки. Найти другой канал утечки – но он пока не находил. А времени не оставалось, отключение не сработало, а рядом стягиваются в боевой кулак не меньше десяти тысяч сабель...

На отгадку неожиданно натолкнулся Ткачик. Уже натолкнулся, но пока не осознал, с чем и с кем он пересекся этим утром – мысли занимало другое. Покушение...

Понял всё мичман чуть позже.

VII. Пак. Милена

1.

Экипаж, подкативший из степи к главному КПП Девятки, выглядел уморительно – и дежурные (усиленный втрое против обычного наряд) смеялись от души.

Два верблюда. Два огромных двугорбых корабля пустыни – запряженные цугом при помощи весьма странной для здешних мест упряжи. Но не в волокушу, и не в обычную степную кибитку с полукруглым войлочным верхом и огромными, в рост человека, цельнодеревянными колесами. Влекомый бактрианами экипаж покинул отнюдь не мастерскую безвестного степного каретных дел мастера – но стены Тольяттинского автозавода. Верх белой “четверки” напрочь отсутствовал, грубо срезанный – но заменяющие его алюминиевые дуги свидетельствовали, что крышу при нужде натянуть недолго.

Метров за пятнадцать до железных ворот комбинированное средство передвижения попыталось затормозить – неудачно. Меланхоличные звери продолжали топтать, не обращая внимания на выкрики возницы (водителя?) и его бессистемное дерганье за элементы упряжи. Водитель пустил в ход тормоза «четверки» – почти с нулевым эффектом. Колеса перестали вращаться, но скорость экипажа замедлилась незначительно.

Смех дежурных перешел в громкий хохот. Казалось, передний верблюд сейчас проигнорирует ворота и попытается пройти их насквозь. Но зрители недооценили интеллект упрямой скотинки – почти упершись мордой в железо, бактриан остановился.

Водитель покинул колымагу. Вид его вполне соответствовал транспорту – такое же смешение эпох и стилей. Серый степной малахай соседствовал с заплатанными джинсами, лицо украшали солнцезащитные очки. Оно, лицо, кстати, более соответствовало общепринятому представлению о степняках-кочевниках, чем лица реальных здешних жителей – рыжеволосых и синеглазых. Широкие скулы, узкие прорезы глаз, нос-пуговка – типичный монголоид.

– Кто такой? Куда едешь? – вышедший наружу сержант старался, чтобы слова его звучали весомо и твердо. Не получилось – смех прорывался сквозь напускную суровость. Да и то сказать, все на КПП прекрасно знали, кто это такой и куда едет.

– Мая базар едет, туда-сюда торговай, покупай-продавай мал-мала... – прибывший охотно включился в игру, пародируя впервые спустившегося с

горных пастбищ жителя братской советской республики.

- Пропуск по-х-ха-ха-ха... - страж ворот не выдержал и засмеялся в голос.

Пропуск, как ни странно, у монголоида обнаружился. Отыскался в объемистом кожаном кошеле. Кроме запаянной в пластик картонки с фотографией, в этом местилище хранились: овальная медная пластинка с грубым изображением лошадиной головы, круглая самшитовая пластинка с изящным изображением беркута, нефритовый кругляш с отверстием (без изображений), узенькая полоска шелка с затейливо сплетенным орнаментом и многочисленные кожаные жетоны различных форм и размеров с вытесненными тамгами – сложными и не очень. Там же хранился украшенный кисточкой хвостик тушканчика...

Это были различные пропуска и опознавательные знаки – и владелец экипажа мог беспрепятственно путешествовать по Великой Степи из конца в конец – единственно с риском нарваться на беспредельщиков, ни во что не ставящих волю степных владык. Впрочем, кое-что запасливый путешественник приготовил и для отморозенных личностей.

Предъявленный документ был признан законным и действующим. Ворота распахнулись. Детище ВАЗа мощностью в две верблюжьих силы покатило к жилому городку.

2.

Она удивилась, хотя любая другая женщина не нашла бы во всем ничего странного: позвонил муж, сказал что на работе выпал свободный часок, предложил пообедать дома, вместе... Обычное дело. Обычное, если вы замужем не за Карахаром...

У Гамаюна свободных часов не бывало в принципе – Милена знала это как никто другой. Значит, что-то ему от нее потребовалось. Что-то срочное, не могущее ждать до вечера – и при этом исключаящее его визит в Школу, и ее – в Отдел. Что-то замотивированное невинным обедом... Интересно...

Подобные мысли – странное явление в голове двадцатилетней женщины, к тому же многими признаваемой за первую красавицу Девятки... И, вдобавок ко всему, – дипломированного историка. Больше ее умозаключения подходили бывалому волку-оперативнику, привыкшему мгновенно вычленять истинные причины чужих поступков и настороженно готовому к любой поганой неожиданности.

Но такая уж она была – Милена. Дочь человека отнюдь не самой мирной профессии. И жена Карахара.

3.

Причиной, по которой Милена оказалась перед Прогоном в Девятке, стало чувство, не слишком ей свойственное – банальная ностальгия.

Она только-только закончила свой первый полевой сезон в ранге начальника экспедиции. (В двадцать пять лет – успех фантастический. Хотя немалую роль сыграл скоротечный брак с университетским руководителем диплома – спустя год профессор был отброшен, как выгоревший пороховой ускоритель). Раскапывали афанасьевские погребения – Милена специализировалась на культурах неолита Южной Сибири.

Тема интересная, и с дальним прицелом – диссертация, что должна была родиться по результатам сезона, трактовала вопросы миграции древних племен Сибири на американский континент. Светили поездки в Штаты, светили гранты от фондов... Все подкосила проклятая ностальгия. Решила отдохнуть две недельки в местах, где прошло пять лет детства – отец вновь получил назначение на Девятку. Отдохнула...

А потом они оказались неизвестно где и когда – даже она, профессионал, не могла точно определить – специализировалась по другой эпохе... Но, именно как историк, Милена пришла к выводу: Девятка обречена. В исторической перспективе – обречена.

Раньше на досуге Милена почитывала романчики, мусолящие в разных вариантах одну и ту же тему: наш человек не пойми как попадает в прошлое. Причем не обычный рядовой обыватель – но офицер-спецназовец, или еще кто, обученный самым разным приемам обороны и нападения. Попадает – и быстро поднимается по местной иерархической лестнице. Ханом становится. Или вождем. Или князем...

Милену такие опусы смешили. Одиночка в абсолютно чуждом социуме изначально обречен. И не поможет даже умение ломать ладонью стройматериалы... Но Девятка – несколько тысяч людей и техника атомного века? Здесь сложнее. Вопрос спорный...

Бывали в прошлом схожие случаи – на полном серьезе, без всяких историко-фантастических романов. Изолированные общности, окруженные многочисленным населением, уступающим в уровне развития техники и культуры на пару порядков... И все всегда кончалось одинаково.

Потомки мятежников с “Баунти” были, конечно, правящей элитой своего тропического острова – но полностью ассимилировались и деградировали до уровня дикарей – когда кончился порох и проржавели мушкеты...

Гарнизоны и население римских крепостей на Дунае и в Британии тоже не сумели сохранить весьма превосходящую окружающие племена культуру – и канули в небытие, когда разорвалась связь с рушащейся империей...

Чуть дольше держались греко-македонские анклавы в Азии, детища Александра-Завоевателя, – но и они остались лишь в памяти историков.

Девятка, считала Милена, обречена...

Но обреченность обреченности рознь. Можно через месяц расстрелять все патроны и сложить головы под кончарами и дротиками. А можно растянуть процесс на век-другой – и твои правнуки будут здешними ханами и нойонами... Все зависит от того, кто возьмется за дело.

Гамаюн стал одним из немногих, сохранивших в первые страшные дни трезвую голову и способность мгновенно принимать жесткие решения. И его женой стала Милена.

Женой Карахара.

4.

Странный авто- и верблюдовладелец не соврал и действительно занялся в Девятке самой банальной выездной торговлей. Привоз был закрыт, и он расположился на “пяточке” – там, где в старые времена (не совсем старые, а когда гайки уже поослабли) – предлагали свои дешевые фрукты-овощи допущенные в городок жители окрестных селений. Тогда тут выстраивались в ряд машины с поднятыми багажниками – сейчас “четверка” оказалась одна. Верблюды рядом, на пустыре, меланхолично уплетали какую-то растительность – даже на вид несъедобную.

Скоро у импровизированной торговой точки зароился народ.

Товары были самые разные. Меха – лиса, барсук, волк, корсак; вроде и не сезон, однако покупали – просил торговец недорого, да и память о минувшей зиме весьма способствовала распродаже. Мука – грубого помола, из проса пополам с мелкой здешней пшеницей. И стоила немало, но разобрали ее в первую очередь – получаемые на хлебные талоны буханки весили все меньше, а примесей в них появлялось все больше... Продавал гость из степи и кое-что еще, ранее заказанное – без лишних слов люди расплачивались и, не вскрывая, уносили какие-то свертки.

Расплата шла в разной валюте. Рубли и доллары – по мизерному курсу, “баранки” (талоны на баранов), реже “лиры” (талоны на спирт). Продавец без всякого калькулятора лихо переводил баранов в литры и выдавал сдачу засаленными штатовскими президентами. С клиентами он общался на той же мове, образчик коей продемонстрировал на КПП – на пародийном варианте пиджин-русиш. И лишь однажды пресек навязчивую попытку сбить цену заковыристой фразой: “Не кажется ли вам, глубокоуважаемый сэр, что перманентная тенденция к стагнации свободного рынка делает неуместными любые попытки внешней ценорегуляции?” Клиент посрамленно замолк...

Короче, торговля процветала. Правда, недолго. Небольшая, но оживленная толпа покупателей как-то незаметно поредела и рассосалась – за полминуты, не более.

По пятаку шли пятеро. В сферах и брониках, с оружием. Отдел. Другим по Девятке так ходить не позволялось.

Они шли медленно, чем-то неуловимо напоминая рыночных секьюрити, топающих через подопечную территорию вроде и лениво, вроде и бесцельно – но на самом деле напрямик к сжавшемуся и побледневшему торговцу, давненько не оплачивавшему свой покой и безопасность. В данном случае торговец имелся лишь один и не мог даже утешать себя мыслью, что показалось, что это не к нему.

– Ну что, Пак? – поинтересовался старший патруля. – Опять торгуешь? Опять без досмотра? Без разрешения? Собирайся. Прокатимся...

Протестующего и бурно жестикулирующего Пака затолкнули в кунг, словно материализовавшийся из воздуха. Для порядка прошлись прикладом по ребрам – на вид сильно, на деле вскользь, играючи. Один из камуфлированных парней уселся за руль автолавки – и, о чудо! – «четверка» завелась и своим ходом покатила в сторону Отдела...

А в кунге без окон старший патруля обнялся с торговцем-нарушителем, достал и предложил пачку с дефицитнейшими сигаретами. Закуривать Пак не стал.

– Вызывайте Гамаюна, – сказал он напряженным голосом. – Срочно. Дела хреновые...

5.

Милена сушила феном роскошные рыжие волосы – и Гамаюн на секунду остановился в дверях, залюбовавшись.

– И что у нас на обед? – спросил он, и Милена поняла по тону, что этот вопрос интересует Гамаюна в самую последнюю очередь. Кем-кем, а гурманом он не был.

– Баранина, сэ-э-эр! – сказала она, подражая дворецкому из известного фильма. – Что желаете? Седло барашка с соусом натюрель? Грудинка фри? Котлеты из баранины? Рагу? Бараний бок, фаршированный перловкой? Но придется подождать, в наличии только рагу...

– Пусть будет рагу... – вздохнул Гамаюн. Гурманом он не был, но за последние месяцы убедился, что меньше баранины любит лишь сайгачину...

– В таком случае советую принять душ – скоро воду отключат. Через двадцать минут все будет готово.

...Через двадцать минут все действительно оказалось готово – но отнюдь не баранье рагу. И не седло, и не грудинка, и не котлеты. И даже не фаршированный опостылевшей перловкой бок...

Милена успела избавиться от камуфляжной формы. (Приходилось носить на работе – и кочевники, и их детки с недавних пор весьма уважали этот цвет и фасон. Лишь шнурованные высокие ботинки были у нее не форменные – от Гуччи.). Надев взамен нечто воздушно-легкое – эротично-легкомысленный вариант спортивного кимоно, распахнутого совершенно по-мужски – Милена атаковала вышедшего из ванной комнаты подполковника приемом, не имеющим аналогов в боевых искусствах. Пожалуй, с некоторой натяжкой его можно было считать удушающим – по крайней мере, дыхание у Гамаюна перехватило надолго. Зря ученики и особенно ученицы узкоглазых сенсеев не практикуют использование губ в своих схватках – очень эффективная тактика...

И тут же, развивая достигнутый успех и не позволяя сопернику опомниться, рыжеволосая боевая искусница перевела схватку в партер... Она проявляла мастерство бойца высшего класса. На победу работали не только руки и ноги – все тело, от самых сокровенных глубин до кончиков ногтей и волос, отдавалось схватке. Гамаюн, потерявший темп, пропустил захват за весьма чувствительную часть тела – и был вынужден сдаться на милость победительницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

ДШК – пулемет Дегтярева-Шпагина, крупнокалиберный. Устаревшая, но мощная и надежная машинка.

2

КЭЧ – квартирно-эксплуатационная часть. Аналог флотской МИС и гражданских ЖЭК, РЭУ и прочих ПРУ, ЖРУ и т.д. Впрочем, сантехники и электрики из КЭЧ ничем, в смысле скорости и добросовестности ремонта, от штатских коллег не отличаются.

3

Номера в/ч условные.

4

Плод недремлющей мысли какого-то особиста старых времен. В целях секретности территория, где располагалось “сооружение N2” (т.е. “двойка”) – именовалась “площадкой N1”. “Единичка”, понятно, находилась на “площадке N2”. Конспирация...

5

Изделие 13Н7 состояло из пяти полностью дублирующих друг друга машин, способных работать как автономно, так и в связке. Линейкой именовалось как каждое из пресловутых пяти устройств, так и помещение для его размещения – с хорошую волейбольную площадку размером.

Купить: https://tellnovel.com/tochinov_viktor/velikaya-step

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)